Рожковъ.

Исторія крѣпостного права въ Россіи.

Изданіе „Донская Рѣчь"
Н. Парамонова
въ Ростовѣ на Дону.

Изданія Н. Парамонова (Донская Рѣчь) въ Ростовѣ н/Д.

ДИТЯТИНЪ—Статьи по исторіи русскаго права . . . . 2 р. 50 к.
РУБАКИНЪ—Исѣории (сборникъ разсказовъ) . . . . . . 1 р. — к.
В. АЛЕКСѢЕВЪ—Народовластіе . . . . 20 к.
В. АЛЕКСѢЕВЪ—Земскіе соборы . . . . 10 к.
И. БѢЛОКОНСКІЙ—Разсказы, III т. . . . . 60 к.
БУЛГАКОВА—Заря Будущаго . . . . 25 к.
БУЛГАКОВА—Современная Японія . . . . 20 к.
ВОДОВОЗОВЪ—Всеобщее избирательное право на Западѣ . . . . 8 к.
ГАУПТМАНЪ—Сочиненія, томъ 1-й . . . . 30 к.
И. ДИТЯТИНЪ—Екатерининская Комиссія . . . . . . 15 к.
ЗВЯГИНЦЕВЪ—Общественное движеніе въ Россіи . . . . . 20 к.
Н. КАРЫШЕВЪ—Экономическія бесѣды . . . . . . 20 к.
К. КАУТСКІЙ.—Ирландія . . . . 15 к.
К. КАУТСКІЙ.—Прот. клас. инт. . . . . 20 к.
КАУТСКІЙ.—Развитіе формъ государства . . . . . . 10 к.
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Изъ исторіи закон. въ Россіи . . . . . 15 к.
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . . . . 15 к.
КИЗЕВЕТТЕРЪ—XIX вѣкъ въ исторіи Россіи . . . . . 15 к.
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Протопопъ Аввакумъ . . . . . . 8 к.
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Кузнецъ-Гражданинъ . . . . . . 15 к.
ЛАКОМБЪ—Исторія Французскаго народа . . . . . . 25 к.
ЛАНГМАНЪ—Бартель Туразеръ (драма изъ рабочей жизни) . . . 15 к.
МЯКОТИНЪ—На зарѣ русской общественности . . . . . 20 к.
ПЕТРУШЕВСКІЙ—Великая хартія вольностей . . . . . 15 к.
ПРУГАВИНЪ—Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости . . 8 к.
СТРОЕВЪ—Московское государство передъ реформой . . . . 20 к.
Б. С.—Трудъ и капиталъ . . . . 20 к.
ЩЕРБА—Исторія русской школы . . . . 10 к.
ДИТЯТИНЪ—Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ ист. Московск. госуд. 15 к.
А. ГОРБУНОВЪ—Гарантіи неприкосновенности личности . . . . 15 к.
А. ЖИВАГО—Освобожденіе швейцарскаго народа . . . . .

1. КОРОЛЕНКО—Пріемышъ . 2 к.
2. ДМИТРІЕВА—Майка-вира . 3 к.
3. ЧИРИКОВЪ—Маленькій грѣшникъ . . . . . 1 к.
4. АНДРЕЕВЪ—Баргамотъ и Гараська . . . . $1\frac{1}{2}$ к.
5[2]. КРЕТЦЕРЪ—Исторія черкаго сюртука . . . . 1 к.
6. КРАНДІЕВСКАЯ—Для души . 2 к.
7. ЧИРИКОВЪ—Свинья . . 2 к.
8[2]. Н.-ДАНЧЕНКО—Старый замокъ 3 к.
9. СВИРСКІЙ—Забракованный . 2 к.
10[2]. КОСТИНЪ—Ошибка . . 3 к.
11. ДМИТРІЕВА—Ее всѣ знаютъ . 3 к.
12. СТАНЮКОВИЧЪ — За «Щупленькаго» . . . 2 к.
13. МИТРОПОЛЬСКІЙ—Вода . 2 к.
14[2]. СЕРАФИМОВИЧЪ—Месть . 3 к.
15. МЕЛЬШИНЪ—Искорка . . 3 к.
16. МЕЛЬШИНЪ—Чортовъ Яръ . 4 к.
17. АНДРЕЕВЪ—Гостинецъ . . 2 к.
18. АНДРЕЕВЪ—Петька на дачѣ . 2 к.
19. ДМИТРІЕВА—Мама на войнѣ . 3 к.
20. АНДРЕЕВЪ—Въ Сабуровѣ . 2 к.
21. БѢЛОКОНСКІЙ—Страховая . 2 к.
21. ИВАШЕВА—Мой день . . 2 к.
23. КОРОЛЕНКО—Ночью . . 5 к.
24. ТИМКОВСКІЙ—Среди людей 5 к.
25. РУСОВА—Біографія Гарибальди 4 к.
26. СЕМЕНОВЪ—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ . . 3 к.
27. ЗЛАТОВРАТСКІЙ—Мечтатели 4 к.
28. КУПРИНЪ—Ночная смѣна . 3 к.
29. ОЖЕШКО—Гедали . . 3 к.
30. ЮШКЕВИЧЪ—Хаимка и Іоська 2 к.
31. ВЕРЕСАЕВЪ—Въ пути . . 1 к.
32. ФРАНКО—Самъ виноватъ $1\frac{1}{2}$ к.
33. АЛЕКСѢЕВЪ—Изъ за хлѣба насущнаго . . . $1\frac{1}{2}$ к.
34. СЕРАФИМОВИЧЪ — Стрѣлочникъ . . . . . 3 к.
35. ВЕРЕСАЕВЪ—Въ сухомъ туманѣ . . . . . 2 к.
36. МИТРОПОЛЬСКІЙ—Отсрочка . 1 к.
37. ЯБЛОНОВСКІЙ—Удружилъ . 1 к.
38. ФРАНКО—Хорошій заработокъ 1 к.
39. МАТЬ (съ армянскаго) . $1\frac{1}{2}$ к.
40. ОСТОИ—Поденщикъ . . 2 к.
41. Некрасовъ и Никитинъ . . 4 к.
42. БУНИНЪ—Байбаки. . . 3 к.
43. ПЕТРОВСКІЙ—Не дался . 1 к.
44. ДМИТРІЕВА—Бѣлыя крылья . 2 к.

Н. Рожковъ.

Исторія крѣпостного права въ Россіи.

Изданіе „Донская Рѣчь“
Н. Парамонова
въ Ростовѣ на Дону.

Дозволено цензурою 29 Іюня 1905 г., Ростовъ на Дону.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
электро-печатня А. Теръ-Абраміанъ.
1905.

Исторія крѣпостного права въ Россіи.

I.

Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи.

Что такое крѣпостное право, что называется крѣпостнымъ правомъ? Крѣпостное право—это право одного человѣка—господина или владѣльца крѣпостныхъ людей, на личность, даровой трудъ и имущество другихъ людей, находящихся отъ него въ зависимости. У господина при такомъ порядкѣ—главнымъ образомъ, права, у крѣпостного человѣка—главнымъ образомъ, обязанности, почти однѣ только обязанности. Какія это права и обязанности и какъ и почему они образовались,—вотъ первый вопросъ исторіи крѣпостного права въ Россіи.

По этому вопросу не всѣ, занимавшіеся и занимающіеся русской исторіей, согласны между собою. Существуютъ два главныхъ мнѣнія,—старое и новое. Старое мнѣніе основано, главнымъ образомъ, на трехъ указахъ—24 ноября 1597 г. (при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ), 28 ноября 1601 г. (при царѣ Борисѣ Федоровичѣ Годуновѣ) и 1607 г. (при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ). Первый изъ этихъ указовъ установилъ пятилѣтній срокъ давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, т. е. опредѣлилъ, что только тѣ изъ бѣглыхъ крестьянъ подлежатъ возврату къ прежнимъ владѣльцамъ, которые бѣжали отъ нихъ въ теченіе

послѣднихъ пяти лѣтъ, т. е. не ранѣе 24 ноября 1592 года. Отсюда изслѣдователи, держащіеся стараго мнѣнія о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи, заключаютъ, что 24 ноября 1592 г. былъ изданъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, сдѣлавшій невозможнымъ свободный переходъ крестьянъ и обусловившій поэтому необходимость возврата крестьянъ, ушедшихъ послѣ этого времени. Во второмъ указѣ—1601 года—мелкимъ землевладѣльцамъ разрѣшается вывозить крестьянъ другъ у друга, но не болѣе, какъ по два человѣка разомъ. Слѣдовательно,—заключаютъ изслѣдователи стараго направленія—раньше былъ запрещенъ вывозъ крестьянъ, т. е. крестьяне еще до 1601 г. были крѣпостными. Наконецъ, указъ 1607 года установилъ 15-тилѣтнюю давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Вычитая 15 изъ 1607-ми, получаемъ тотъ же 1592 годъ,—годъ предполагаемаго закрѣпощенія крестьянъ. Итакъ, крестьяне были прикрѣплены распоряженіемъ правительства, состоявшимся, по всей вѣроятности, въ 1592 году, хотя и не дошедшемъ до насъ. Вызвано было прикрѣпленіе крестьянъ государственными потребностями: необходимостью урегулировать и правильно организовать сборъ податей, которому мѣшала подвижность, бродяжность населенія. Поэтому и сущность крѣпостного права заключалась въ прикрѣпленіи къ землѣ, на которой сидѣли крестьяне.

Такова старая теорія происхожденія крѣпостного права въ Россіи, дающая весьма опредѣленные отвѣты на вопросы о времени прикрѣпленія, о роли въ этомъ дѣлѣ правительства, о государственныхъ причинахъ крѣпостного права и о самой юридической природѣ крѣпостныхъ отношеній,—прикрѣпленіи къ землѣ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этой теоріи и ея

основаній изслѣдователи новаго направленія приходятъ къ заключенію, что она не выдерживаетъ критики, не оправдывается фактами. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ прежде всего говорятъ три приведенныхъ выше указа—1597, 1601 и 1607 гг.?

Въ нихъ нѣтъ ни слова о прикрѣпленіи крестьянъ, т. е. о запрещеніи крестьянскаго выхода или перехода отъ однаго землевладѣльца къ другому, а говорится только о запрещеніи крестьянскаго *вывоза* и крестьянскаго *побѣга*. Надо, слѣдовательно, опредѣлить, что называлось вывозомъ и побѣгомъ. Вывозъ и побѣгъ—незаконныя формы крестьянскаго перехода, вытекавшія изъ несоблюденія законныхъ условій перехода. Выходъ или переходъ крестьянина считался законнымъ въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, соблюденъ былъ при этомъ установленный для перехода срокъ—за недѣлю до Юрьева дня осенняго (24 ноября) и въ теченіе недѣли послѣ этого дня,—во-вторыхъ, если крестьянинъ формально заявилъ о своемъ уходѣ—произвелъ „отказъ",—въ-третьихъ, если онъ возвратилъ землевладѣльцу ссуду, которую онъ получалъ отъ него на хозяйственное обзаведеніе, и уплатилъ ему „пожилое" или „похоронное"—особую плату за пользованіе дворомъ и хозяйственными постройками, въ немъ находящимися. Если крестьянинъ уходилъ, не выполнивъ хотя бы одного изъ этихъ условій, онъ считался бѣглымъ, и, такимъ образомъ, законный выходъ превращался въ незаконный побѣгъ. Вывозомъ называлось вотъ что: многіе землевладѣльцы нуждались въ рабочихъ и потому осенью, по наступленіи времени, установленнаго закономъ для крестьянскаго выхода,—за недѣлю до Юрьева дня осенняго и въ теченіе недѣли послѣ него—отправлялись искать крестьянъ, ко-

торые согласились-бы къ нимъ перейти, платили за нихъ долги и пожилое землевладѣльцамъ, у которыхъ они жили, и вывозили такихъ крестьянъ къ себѣ, причемъ, конечно, крестьяне обязаны были платить свой долгъ новымъ господамъ. Лишеніе рабочей силы было, однако, непріятно для землевладѣльцевъ, отъ которыхъ вывозились крестьяне, и отсюда проистекали большіе раздоры, кончавшіеся нерѣдко насиліями и убійствами. Вотъ почему правительство запретило вывозъ крестьянъ, и только царь Борисъ въ 1601 году разрѣшилъ его для мелкихъ землевладѣльцевъ, не распространяя на крупныхъ, отъ насилій со стороны которыхъ особенно сильно терпѣли небогатые дворяне.

Итакъ, въ указахъ 1597, 1601 и 1607 годовъ ни слова нѣтъ о прикрѣпленіи крестьянъ, а говорится только о незаконныхъ формахъ крестьянскаго перехода—крестьянскомъ вывозѣ и крестьянскомъ побѣгѣ. Свободный переходъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому по прежнему разрѣшался съ соблюденіемъ установленныхъ закономъ условій. Никакого закона о закрѣпощеніи крестьянъ въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка издано не было. Все это подтверждается и другими данными: крестьянинъ того времени садился на дворянскую землю, арендовалъ ее на извѣстныхъ условіяхъ, излагавшихся въ особомъ договорѣ между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ; этотъ договоръ называли порядной грамотой и заключала въ себѣ указанія на срокъ аренды, на арендную плату (оброкъ) или работу на барской землѣ вмѣсто платы (барщину или „издѣлье“), на заемъ, производившійся крестьяниномъ у землевладѣльца и т. д. и вотъ оказывается, что не только въ XVI, но и въ первой половинѣ XVII вѣка заключались порядныя гра-

моты съ правомъ крестьянина на свободный выходъ. Слѣдовательно, прикрѣпленія крестьянъ по закону еще не было. Законъ установилъ крѣпостное право на крестьянъ лишь въ 1649 г. въ сводѣ законовъ того времени, извѣстномъ подъ названіемъ Уложенія царя, Алексѣя Михайловича, причемъ въ текстѣ Уложенія прямо указано, что это сдѣлано впервые: „по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати". Къ этому необходимо еще прибавить, что *законодательному* прикрѣпленію *всѣхъ* крестьянъ по Уложенію 1649 года предшествовало закрѣпощеніе *нѣкоторыхъ* крестьянъ землевладѣльцами *по гражданскимъ актамъ* по договорамъ: въ нѣкоторыхъ порядныхъ грамотахъ со второй четверти XVII вѣка появляется отказъ крестьянъ отъ свободнаго перехода: „по сей порядной я государю своему крѣпокъ безвыходно на крестьянство и впредь крестьянствомъ", пишутъ крестьяне.

Такъ новая теорія происхожденія крѣпостного права въ Россіи отвѣчаетъ на вопросъ о *времени* закрѣпощенія крестьянъ: отдѣльные крестьяне стали закрѣпощаться по договорамъ ихъ съ землевладѣльцами со второй четверти XVII вѣка, а по закону всѣ крестьяне сдѣлались крѣпостными лишь въ 1649 г. Отвѣтъ этотъ совершенно несогласенъ съ тѣмъ, что утверждали по данному вопросу изслѣдователи стараго направленія.

Почему-же, спрашивается, установлена была давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и почему эта давность восходила къ 1592 году? Установленіе давности необходимо по той причинѣ, что устраняетъ обремененіе судовъ множествомъ дѣлъ и происходящую отсюда судебную волокиту, медленность въ рѣ-

шеніи тяжбъ. А 1592 годъ, какъ конечный пунктъ установившихся тогда сроковъ давности, былъ выбранъ потому, что въ этомъ году составлены были для всей Россіи новыя писцовыя книги. Писцовыми книгами назывались документы, посвященные хозяйственно-статистическому описанію страны: въ нихъ описывался каждый уѣздъ, въ уѣздѣ станы и волости, въ станахъ и волостяхъ отдѣльныя имѣнія, села и деревни, причемъ означались количество дворовъ, взрослое мужское населеніе каждаго двора, размѣры пашни, сѣнокоса, лѣса и т. д. Такимъ образомъ, въ писцовыхъ книгахъ 1592 года были точно названы по именамъ крестьяне, жившіе на землѣ каждаго владѣльца, такъ что, руководясь этими книгами, легко можно было опредѣлить, жилъ-ли тотъ или иной крестьянинъ за даннымъ землевладѣльцемъ, почему писцовыя книги 1592 г. и могли служить прочной опорой для разбора исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Вотъ причина того, что 1592 г. былъ избранъ конечнымъ пунктомъ при установленіи сроковъ давности.

Несогласіе между старой и новой теоріей происхожденія крѣпостного права въ Россіи замѣтно и по вопросу о юридической природѣ крестьянскаго прикрѣпленія. Сторонники старого мнѣнія, какъ было уже сказано, думали, что крестьяне *сначала были* прикрѣплены къ землѣ. Сущность прикрѣпленія къ землѣ заключается въ томъ, что не только самъ крестьянинъ не можетъ уйти съ участка, на которомъ онъ сидитъ, но и его владѣлецъ не можетъ его ни перевести на другой участокъ, ни продать, заложить, подарить, промѣнять и завѣщать безъ этого участка, безъ земли. Отъ этого прикрѣпленія къ землѣ надо отличить прикрѣпленіе къ личности землевладѣльца, дающее по-

слѣднему право переводить крестьянина съ одного участка на другой, продавать, закладывать, дарить и завѣщать его безъ земли. Оказывается, что у насъ крестьяне съ самаго начала закрѣпощенія были прикрѣплены не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца: припомнимъ выраженіе порядныхъ: „*я государю своему* крѣпокъ безвыходно"; въ документахъ первой половины XVII в. постоянно встрѣчается переводъ крестьянъ не только съ участка на участокъ и изъ имѣнія въ имѣніе, но и изъ одного уѣзда въ другой, иногда очень далекій: напр., изъ Костромского уѣзда въ Рязанскій. Надо, впрочемъ, замѣтить, что приверженцы стараго взгляда признаютъ, что скоро, уже къ послѣдней четверти XVII в., прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ превратилось въ прикрѣпленіе къ личности землевладѣльца.

Но всего важнѣе, разумѣется, вопросъ о *причинахъ* прикрѣпленія крестьянъ. И здѣсь нельзя принять старое мнѣніе, сводившееся къ указанію на государственныя причины крѣпостного права, на трудность производить сборъ налоговъ при бродячести населенія. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь если, какъ мы уже знаемъ, крестьяне были прикрѣплены не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца, то безземельные продажи, залогъ, дареніе, мѣна и передача крестьянъ по наслѣдству открывали возможность для прежнихъ передвиженій и, слѣдовательно, не создавали вовсе большихъ, чѣмъ раньше, удобствъ для сбора налоговъ. Затѣмъ, не надо забывать и того, что не государство сначала установило крѣпостное право, а сами землевладѣльцы и крестьяне въ своихъ порядныхъ грамотахъ, а государство только вслѣдъ за этимъ утвердило закономъ то, что было уже раньше сдѣлано въ

жизни. Вотъ почему въ самой жизни, въ отношеніяхъ дворянъ и крестьянъ, въ ихъ нуждахъ, въ ихъ пользѣ и надо искать причинъ крѣпостного права.

Почему дворяне желали крѣпостного права на крестьянъ? Потому, что имъ нужны были рабочіе для обработки барской пашни; недаромъ дворяне вывозили крестьянъ другъ у друга, ссорились и дрались изъ-за нихъ между собою. Нужда-же въ рабочихъ для барской пашни все увеличивалась, потому что барская пашня постепенно росла: къ концу XVI вѣка было немало дворянскихъ имѣній, гдѣ $^1/_5$, $^1/_3$, $^1/_2$ всей земли находилась подъ барской запашкой, и лишь остальная земля находилась въ пользованіи крестьянъ, большею частью обязанныхъ за то отбывать барщину. И не только нужно было больше рабочихъ для барской запашки, но и нужны были *постоянные* рабочіе, которые привыкли бы къ хозяйственнымъ порядкамъ имѣнія и работали бы правильно, регулярно. Лучшимъ средствомъ для этого было закрѣпощеніе крестьянъ тѣмъ болѣе, что денегъ у дворянъ было еще очень мало и оплачивать ими трудъ вольнонаемныхъ рабочихъ было невозможно.

Почему крестьянамъ пришлось согласиться на закрѣпощеніе, и почему они согласились вносить въ порядныя грамоты отказъ отъ свободнаго перехода? Основная причина тутъ — задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ: такъ у Соловецкаго монастыря $^3/_4$ всѣхъ крестьянъ были должниками монастыря, въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1576 г. $^9/_{10}$ всѣхъ крестьянъ были въ долгахъ. Дѣло не въ одной только задолженности, а въ томъ, что она была неоплатной: долги, судя по порядным, въ среднемъ доходили въ концѣ XVI в. у каждаго крестьянина до 100 рублей на наши деньги, да

сверхъ того при уходѣ крестьянинъ долженъ былъ платить еще пожилое или похоронное, доходившее до 30 р. на наши деньги за 4 года; въ общемъ выходило 130 руб.—годовой доходъ средней крестьянской семьи. Уплатить сразу такую сумму невозможно было, и потому *на дѣлѣ* крестьянинъ не могъ уйти отъ землевладѣльца, воспользоваться принадлежавшимъ ему по закону правомъ свободнаго выхода. Стало-быть, право свободнаго перехода существовало только по закону, по имени, а на дѣлѣ, въ жизни его не было, такъ что крестьянину ничего не стоило отказаться въ порядной грамотѣ отъ этого несуществующаго на практикѣ права. Этого мало: въ сущности крестьянину было даже выгоднѣе отказаться отъ права перехода, чѣмъ не отказываться, потому что о томъ крестьянинѣ, который можетъ уйти, дворянинъ не заботился и даже грабилъ его и всячески обижалъ: такъ, напр., у богатаго крестьянина Владимирскаго уѣзда Сокурова въ 1599 г. дворянинъ Соболевъ, на землѣ котораго онъ жилъ, насильно отобралъ весь хлѣбъ, все сѣно, 35 руб. деньгами, забралъ весь скотъ и, наконецъ, его самого выгналъ съ семьей со двора. Другое дѣло было, если крестьянинъ соглашался на крѣпостную зависимость: онъ въ такомъ случаѣ пользовался поддержкой отъ господина, помощью отъ него деньгами и хлѣбомъ: крестьяне были очень бѣдны и не могли бы справиться съ голодовками, неурожаями, падежами скота безъ поддержки со стороны дворянъ, а дворяне помогали имъ, справедливо разсуждая, что для того, чтобы постричь овцу, надо дать ей обрости шерстью.

Итакъ, въ сущности крѣпостное право на крестьянъ было создано двумя основными причинами: во-первыхъ, нуждой дворянъ въ рабочихъ; во-вторыхъ, нуж-

дой крестьянъ въ деньгахъ. А почему и то и другое— и нужда дворянъ въ рабочихъ, и нужда крестьянъ въ деньгахъ—сильно сказывались въ Россіи конца XVI вѣка и первой половины XVII-го? Все дѣло въ хозяйствѣ,—въ томъ, какъ люди тогда добывали себѣ пищу, одежду и жилище: хозяйствомъ и называется именно совокупность способовъ и пріемовъ, какими человѣкъ добываетъ себѣ пищу, одежду и жилище.

Сначала человѣкъ добываетъ себѣ все необходимое собственнымъ трудомъ; члены каждаго семейства дѣлятъ между собой трудъ: одни охотятся, ловятъ рыбу, пашутъ пашню, сѣютъ и жнутъ хлѣбъ; другіе ходятъ за скотомъ, пекутъ хлѣбъ, приготовляютъ одежду и т. д. Каждое семейство ничего не продаетъ и не покупаетъ, живетъ исключительно своимъ трудомъ, получаетъ все отъ этого труда натурой. Такое хозяйство и называется поэтому натуральнымъ. Но, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество населенія, жить въ натуральномъ хозяйствѣ стало невыгодно; понадобилось много разныхъ необходимыхъ и полезныхъ вещей и притомъ лучшаго качества, чѣмъ прежде; для этого небходимо большее раздѣленіе труда, необходимо, чтобы каждымъ дѣломъ занимался его мастеръ, человѣкъ въ немъ искусный, посвятившій ему всѣ свои силы: отъ этого дѣло спорится, получается больше результатовъ труда, и всѣ вещи оказываются лучшими по качеству. Но когда каждый человѣкъ предается одному только дѣлу, специализируется въ немъ, то онъ вынужденъ продавать другимъ предметы своего производства и покупать у другихъ то, что ему нужно и выработано ими. Поэтому развивается торговля или обмѣнъ, для котораго нужны деньги, или, какъ обыкновенно говорятъ, натуральное хозяйство замѣняется хозяйствомъ мѣновымъ или

денежнымъ. Въ Россіи натуральное хозяйство существовало и господствовало до половины XVI вѣка. Съ этого-же времени начинаетъ развиваться хозяйство денежное. Это доказывается многими фактами, прежде всего у насъ есть множество прямыхъ указаній на развитіе внутренней и внѣшней торговли въ Россіи со второй половины XVI вѣка: развиваются и умножаются въ числѣ ярмарки и торжки, какъ ярмарки въ старомъ Холопьемъ городкѣ на Мологѣ, въ городѣ Островѣ нынѣшней Псковской губерніи, въ Макарьевскомъ монастырѣ къ востоку отъ Нижняго-Новгорода (зародышъ нынѣшней Нижегородской ярмарки); вся страна пересѣкается въ разныхъ направленіяхъ торговыми дорогами: къ одной столицѣ государства Москвѣ съ разныхъ сторонъ шло не менѣе семи торговыхъ дорогъ, ежедневно провозили къ Москвѣ хлѣба на продажу по одной только ярославской дорогѣ не менѣе 700 возовъ; съ половины XVI в. начинается обширная и оживленная торговля съ Англіей; лучшимъ свидѣтельствомъ роста внѣшней торговли являются такъ называемыя торговыя книги, содержавшія въ себѣ свѣдѣнія о цѣнахъ на разные русскіе товары въ Москвѣ, Архангельскѣ, Голландіи, Англіи и даже Испаніи: такъ далеко заходили за границу продукты русскаго производства. Есть и другія доказательства развитія денежнаго хозяйства въ Россіи съ половины XVI в.; причемъ особенно важно то, что въ торговый оборотъ втягивались народныя массы; это видно изъ того, что вмѣсто натуральныхъ оброковъ землевладѣльцамъ крестьяне стали платить деньгами и вмѣсто отбыванія натуральныхъ государственныхъ повинностей начали вносить денежныя подати. Пока было натуральное хозяйство и денегъ было мало,—крестьяне давали землевладѣль-

цамъ оброки натурой—долей урожая (половиной, третью, четвертью) или опредѣленнымъ количествомъ четвертей разнаго хлѣба; въ то же время натурой удовлетворялись и всѣ государственныя потребности; нужно было построить крѣпость,—крестьяне отбывали натуральную повинность, извѣстную подъ названіемъ „городового дѣла“, т. е. выходили сами для постройки укрѣпленій, привозили матеріалъ и т. д.; являлась потребность въ казенной почтѣ,—крестьяне давали подводы, лошадей и ямщиковъ и т. д. Съ половины XVI в. вмѣсто натуральныхъ оброковъ землевладѣльцамъ поступаютъ денежные платежи, и въ то же время натуральныя повинности замѣняются денежными податями; за городовое дѣло платятъ особый денежный налогъ, вмѣсто натуральной ямской гоньбы вносятъ „ямскія“ деньги—подать на устройство казенной почты и т. д. Это возможно стало только потому, что у крестьянъ появились деньги, а появиться они могли у нихъ только отъ торговли, т. е. отъ развитія денежнаго хозяйства. Наконецъ, ростъ денежнаго хозяйства отразился и на цѣнность денегъ: съ развитіемъ торговли денегъ стало больше и потому онѣ подешевѣли. Рубль начала XVI в. равнялся на наши деньги 94 рублямъ, т. е. тогда на рубль можно было купить столько-же необходимыхъ и полезныхъ предметовъ, сколько теперь покупаютъ на 94 рубля: дороговизна денегъ страшная, вполнѣ естественная при натуральномъ хозяйствѣ. Въ концѣ XVI в. рубль стоилъ на наши деньги уже только 25 рублей. Слѣдовательно, въ теченіе столѣтія деньги подешевѣли болѣе, чѣмъ въ 3½ раза, почти вчетверо: это могло быть только при развитіи денежнаго хозяйства.

Развитіе денежнаго хозяйства и было причиной

того, что, съ одной стороны, дворянамъ стало выгодно увеличить размѣры своей, барской пашни—теперь стало выгодно продавать хлѣбъ,—съ другой крестьянамъ сдѣлались крайне необходимыми деньги. Ростъ барской пашни обострилъ нужду въ постоянныхъ рабочихъ, а потребность крестьянъ въ деньгахъ вызвала ихъ задолженность. Результатомъ же нужды дворянъ въ рабочихъ и задолженности крестьянъ и было, какъ мы уже знаемъ, крѣпостное право.

На основаніи всего сказаннаго выше можно дать такой окончательный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи крѣпостного права: *крѣпостное право въ Россіи возникло вслѣдствіе перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, начавшемуся съ половины XVI в. и вызвавшаго острую нужду* землевладѣльцевъ въ постоянныхъ рабочихъ и неоплатную задолженность крестьянъ, что и привело къ закрѣпощенію; отдѣльные крестьяне стали крѣпостными по частнымъ договорамъ ихъ съ землевладѣльцами со второй четверти XVII в., и законъ закрѣпостилъ всѣхъ крестьянъ только въ 1649 году; крестьяне въ Россіи были прикрѣплены не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца.

II.

Положеніе крестьянъ во второй половинѣ XVII вѣка.

Каково-же было положеніе крестьянъ по закону послѣ того, какъ крѣпостное право на крестьянъ окончательно установилось? Было бы большой ошибкой утверждать, что крѣпостные крестьяне во второй половинѣ XVII вѣка сдѣлались совершенно безправными, превратились въ полныхъ рабовъ Напротивъ, крестьяне въ то время сохраняли за собой много личныхъ правъ, личность крестьянина признавалась закономъ и

ставилась наряду съ личностями людей, принадлежавшихъ къ другимъ сословіямъ. Это видно прежде всего изъ того, что, по уложенію 1649 г., въ тѣхъ случаяхъ, когда производился такъ называемый повальный обыскъ, т. е. опрашивались сосѣди обвиняемаго въ тяжеломъ преступленіи о его поведеніи и благонадежности, признавались законными и доказательными безъ ограниченій показанія крестьянъ, какъ и лицъ другихъ свободныхъ состояній; между тѣмъ полные рабы, холопы при этомъ опросу не подлежали, ихъ показаніямъ вѣры не давалось. Затѣмъ тотъ же законодательный памятникъ установилъ пеню за безчестье крестьянина. Далѣе, крестьяне признавались полноправными свидѣтелями на судѣ наряду съ лицами другихъ сословій. Наконецъ и послѣ Уложенія, какъ и раньше, крестьянинъ могъ свободно вступать въ различные договоры.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ области личныхъ правъ, крѣпостное право сказалось въ области правъ вещныхъ или имущественныхъ. Это видно уже по отношенію къ правамъ на движимость: правда, и тутъ законодательство признаетъ за крестьянами собственность и право вступленія въ гражданскія сдѣлки помимо владѣльцевъ съ отдѣльными лицами и даже съ казною, но наряду съ этимъ, уже по указу 1628 года, предписано, въ случаѣ неплатежа землевладѣльцами по искамъ къ нимъ, взыскивать подлежащую уплатѣ сумму съ ихъ крестьянъ, и это, затѣмъ, было подтверждено Уложеніемъ и послѣдовавшими за нимъ указами, а сверхъ того Уложеніе допускало насильственное отчужденіе крестьянскаго имущества въ руки землевладѣльцевъ. Это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что землевладѣльцы обязывались закономъ кормить крестьянъ въ голодные годы и платить за не-

состоятельныхъ крестьянъ причитающіеся съ нихъ государственные налоги, если землевладѣльцы несли, такимъ образомъ, имущественную отвѣтственность за своихъ крѣпостныхъ, то отсюда естественно вытекало ихъ право на имущество послѣднихъ: крестьянамъ стало принадлежать лишь право владѣнія и пользованія ихъ имуществомъ съ условіемъ не нарушать хозяйскихъ интересовъ владѣльца. Это общее начало еще сильнѣе и полнѣе отразилось въ правахъ крестьянъ на недвижимое имущество, въ частности на землю. Пока крестьяне были свободны, они, арендуя владѣльческую землю, часто передавали ее за деньги или даромъ другимъ крестьянамъ, т. е. въ сущности продавали ее, причемъ новый крестьянинъ соглашался нести всѣ обязательства стараго по отношенію къ землевладѣльцу. Но по мѣрѣ того, какъ крѣпостное право стало утверждаться, подобное положеніе начало дѣлаться неудобнымъ для владѣльцевъ, и они стали лишать своихъ крестьянъ права отчуждать землю. Уже въ концѣ XVI в. на земляхъ Соловецкаго монастыря крестьянамъ запрещается продавать и закладывать землю постороннимъ, а разрѣшается это дѣлать только между собою; въ концѣ XVII вѣка прямо указывается, что „во всякихъ вотчинахъ продать что или заложить повольность имѣетъ вотчинникъ, а не крестьянинъ"!

Наконецъ, всего яснѣе сказалось крѣпостное право въ корпоративной организаціи крестьянства, какъ сословія, т. е. въ тѣхъ правахъ и обязанностяхъ, которыя принадлежали всему крестьянству, какъ единому цѣлому, а не каждому отдѣльному крестьянину. Въ сущности можно прямо сказать, что крестьянство совершенно утратило корпоративныя *права* и осталось при однѣхъ лишь корпоративныхъ *обязанностяхъ*. Из-

давна выбиравшіеся крестьянами земскіе старосты и цѣловальники (т. е. присяжные, отъ выраженія „цѣловать крестъ“—присягать) стали служить исключительно интересамъ государства, а не сословія, ихъ выбиравшаго: они обязаны были раскладывать, т. е. распредѣлять между отдѣльными плательщиками, государственныя подати и затѣмъ собирать ихъ съ крестьянъ, причемъ, въ случаѣ недобора, по какимъ бы причинамъ онъ не происходилъ,—все равно, зависѣло-ли устраненіе этихъ причинъ отъ воли старостъ и цѣловальниковъ или не зависѣло,—старосты и цѣловальники отвѣчали передъ правительствомъ своимъ имуществомъ, изъ котораго и взыскивался недоборъ. При несостоятельности старостъ и цѣловальниковъ отвѣтственность перелагалась на имущество ихъ избирателей—крестьянъ. Но такъ какъ въ концѣ концовъ, какъ намъ уже извѣстно, за податную неисправность крѣпостныхъ отвѣчали ихъ владѣльцы, то это открывало владѣльцамъ широкую возможность подчинить своей власти не только отдѣльныхъ крестьянъ, но и весь крестьянскій міръ.

III.

Крестьяне въ XVIII вѣкѣ.

Крѣпостное право, утвердившись въ XVII вѣкѣ, продолжало развиваться далѣе и достигло полнаго расцвѣта въ XVIII столѣтіи. Это отразилось очень ясно въ законодательствѣ того времени.

Прежде всего переходъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому сдѣлался совершенно невозможнымъ вслѣдствіе строгости кары, постигавшей по закону тѣхъ землевладѣльцевъ, которые принимали къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ: по указамъ 1706 и

1707 годовъ за невозвращеніе бѣглыхъ крестьянъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ грозила тому, кто укрывалъ крестьянъ у себя, полная потеря имѣнія, изъ котораго половина поступала лицамъ, чьи бѣглые крестьяне оказались въ имѣніи, а другая половина конфисковалась въ казну. Затѣмъ, установилась мало по малу вотчинная юстиція и полиція, т. е. землевладѣлецъ пріобрѣлъ право наблюдать за порядкомъ въ своихъ имѣніяхъ и судить своихъ крестьянъ по многимъ дѣламъ. Этимъ оттѣснялось отъ разбора и рѣшенія очень многихъ дѣлъ государственная полицейская и судебная власть. Тамъ владѣльческій судъ и расправу можно наблюдать, какъ вполнѣ развитое явленіе, даже въ самомъ началѣ XVIII в. въ имѣніи князя П. И. Долгорукаго, селѣ Мытъ съ деревнями Суздальскаго уѣзда. Постепенно, такимъ образомъ, установилось правило, потомъ господствовавшее, что землевладѣльцу принадлежитъ право суда надъ своими крѣпостными по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ (убійство, поджоги, разбои, кражи и т. д.), подсудныхъ государственнымъ чиновникамъ. При Петрѣ Великомъ, по указу 1721 г., крѣпостные крестьяне могли еще поступать въ военную службу безъ разрѣшенія господина, но по указу императрицы Елизаветы 1742 года это право было окончательно отнято у крестьянъ. Въ 1760 г. владѣльцы получили право ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты при томъ лишь условіи, чтобы ссылались люди молодые и здоровые и не разлучались мужъ съ женой (родителей и дѣтей разлучать разрѣшалось). Наконецъ, всѣ эти ограниченія крестьянскихъ личныхъ правъ увѣнчались закономъ 1765 года, по которому владѣльцамъ предоставлено было право ссылать крестьянъ на каторжныя работы за дерзости.

Мы видѣли, что еще раньше имущественныя права крѣпостныхъ крестьянъ подвергались большимъ ограниченіямъ, чѣмъ ихъ личныя права. Въ XVIII в. наблюдается дальнѣйшее ограниченіе правъ крѣпостныхъ по имуществу. Указомъ 1707 г. крестьяне были лишены права брать на откупъ таможенные сборы и продажу вина. Въ 1730 году крестьянамъ было запрещено пріобрѣтать недвижимыя имѣнія (т. е. дома и земли) въ городахъ и уѣздахъ. Въ 1731 году крестьяне лишились права принимать на себя подряды и брать откупа. Въ 1734 году крѣпостнымъ было запрещено заводить суконныя фабрики. Указомъ 1739 года отнято у крестьянъ право покупать людей въ услуженіе и даже для поставки вмѣсто себя рекрутъ. Наконецъ, въ 1761 году крѣпостнымъ было запрещено обязываться векселями и выступать въ качествѣ поручителей за другихъ лицъ; только съ дозволенія владѣльцевъ разрѣшалось крестьянамъ занимать деньги подъ заемныя письма.

Но, несомнѣнно, самой крупной перемѣной въ имущественныхъ правахъ крестьянъ надо признать установленіе порядковъ такъ называемаго общиннаго или мірского землевладѣнія. Извѣстна эта организація общиннаго землевладѣнія, которая начала слагаться въ XVIII вѣкѣ: сущность ея—періодическіе передѣлы и черезполосица, какъ слѣдствія земельнаго равненія, и принудительный сѣвооборотъ и круговая порука, какъ слѣдствія передѣловъ и черезполосицы. Здѣсь важно разрѣшить два вопроса: 1) о причинахъ развитія общиннаго землевладѣнія, 2) о времени его распространенія.

Крестьяне до возникновенія крѣпостного права снимали землю у землевладѣльцевъ каждый въ отдѣль-

ности по особому договору, такъ что снимаемые отдѣльными крестьянами участки были различны по размѣрамъ и качеству почвы. Это различіе продолжало сохраняться и при крѣпостномъ правѣ. Можно даже сказать, что оно усилилось, потому что отдѣльныя семьи размножались неодинаково, почему у многосемейныхъ крестьянъ участки ихъ наслѣдниковъ мельчали, а у малосемейныхъ сохранялся крупный размѣръ участковъ. Такимъ образомъ, среди крѣпостныхъ крестьянъ образовалось два общественныхъ слоя, одинъ, сравнительно —малочисленный, имѣлъ много земли, другой—большинство крестьянства—страдалъ отъ малоземелья. Понятно, что этотъ послѣдній слой стремился улучшить свое положеніе и обращался къ владѣльцамъ съ просьбой совершить передѣлъ всей наличной земли, которой пользовались крѣпостные крестьяне по числу лицъ (или „душъ") мужского пола въ каждой крестьянской семьѣ. Владѣльцы охотно прислушивались къ этимъ просьбамъ, потому что желали, чтобы ихъ крѣпостные исправно платили оброки и отбывали барщину, а достигнуть этого можно было только въ томъ случаѣ, если бы у всѣхъ крестьянъ было достаточно земли. Съ другой стороны, и государство сочувствовало надѣленію землей малоземельнаго крестьянства, потому что желало правильнаго поступленія государственныхъ податей. Такимъ образомъ, интересы и выгоды малоземельныхъ крестьянъ, владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ и государства сходились, а эти три общественныхъ силы были могущественнѣе немногочисленнаго многоземельнаго крестьянства. Понятно, что побѣда въ концѣ концовъ должна была остаться за ними, тѣмъ болѣе, что она была облегчена двумя обстоятельствами: установившим-

ся взглядомъ на отношеніе владѣльца къ имуществу его крѣпостныхъ и введеніемъ подушной подати. Подушная подать, впервые собранная въ 1724 г., падала на каждую душу мужского пола безъ различія возраста —отъ новорожденнаго младенца до дряхлаго старика—поровну, чѣмъ подчеркивалась необходимость обезпеченія каждой семьи землей соотвѣтственно количеству числящихся въ ней душъ мужского пола, а, слѣдовательно, и необходимость уравнительнаго передѣла на этихъ основаніяхъ. Взглядъ, что крѣпостные имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія имуществомъ безъ нарушенія хозяйственныхъ интересовъ владѣльца, выставлялъ послѣдняго какъ собственника всего движимаго и недвижимаго достоянія крѣпостныхъ, и обосновывалъ его право предписать производство передѣла. И мы, дѣйствительно, наблюдаемъ въ XVIII вѣкѣ начало передѣловъ земли, окончательно установившихся повсюду въ Великороссіи къ 1831 году.

Но дѣло не могло ограничиться установленіемъ однихъ періодическихъ передѣловъ по душамъ мужского пола. Вѣдь земля въ каждомъ имѣніи неодинакова по своему качеству: есть участки плодородные, средніе по урожайности и совсѣмъ худые. Несправедливо было бы надѣлить каждую душу мужского пола одинаковымъ количествомъ десятинъ земли, не считаясь съ качествомъ послѣдней. Отсюда и происходитъ необходимость прежде распредѣленія земли по душамъ распредѣлить ее на „ярусы“ или „коны“ по степени плодородія, чтобы потомъ уже въ каждомъ ярусѣ или кону отдѣлить на каждую душу мужского пола по полосѣ, такъ что участокъ каждой души оказывается состоящимъ изъ нѣсколькихъ полосъ, раз-

бросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ и перемежающихся полосами, отдѣленными на другія души, это и называется черезполосицей.

Но при передѣлахъ и черезполосицѣ необходимо всѣмъ начинать и кончать полевыя работы въ одно время, потому что осенью, по снятіи урожая, выгоняется скотъ на пастьбу по жнитву, и неубранныя полосы должны пострадать отъ потравы. Вотъ эта то обязательность держаться опредѣленныхъ, одинаковыхъ для всѣхъ порядковъ земледѣльческаго хозяйства и носитъ названіе принудительнаго сѣвооборота.

Наконецъ,круговая порука—отвѣтственность всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ въ уплатѣ оброковъ и податей и отбыванiй барщины—необходимо слѣдуетъ изъ періодичности передѣловъ, установленной владѣльцами и государствомъ по просьбамъ крестьянъ: владѣльцы и государство видѣли въ ней сильнѣйшее обезпеченіе своихъ интересовъ и слѣдствіе того, что земля перешла въ распоряженіе крестьянскаго міра.

Корпоративная организація крѣпостного крестьянства въ XVIII в. сводится къ вопросу о хозяйственномъ, полицейскомъ и судебномъ значеніи именно этой крестьянской общины или міра. То, что сейчасъ сказано о мірскомъ землевладѣніи, достаточно характеризуетъ хозяйственное значеніе міра. Полицейское и судебное ея значеніе выражается въ общемъ тѣмъ же, чѣмъ оно характеризовалось уже во второй половинѣ XVII в.,—т. е. полной замѣной принципа *права* началомъ *обязанности*. Крестьянская община въ XVIII и первой половинѣ XIX в. организовалась именно на началѣ обязанности, это была принудительная, крѣпостная организація. Типичный примѣръ крѣпостной полицейской общины для центральной Россіи—поряд-

ки, существовавшіе въ селѣ Мытъ Суздальскаго уѣзда, имѣніи князя Долгорукаго: міръ выбиралъ старосту, провѣрялъ расходованіе имъ денегъ, поручалъ ему сборъ податей и оброковъ, но въ сущности староста былъ подчиненъ не міру, а владѣльцу, который могъ его и наказать и смѣнить, могъ и защитить отъ міра, уничтоживъ рѣшеніе послѣдняго, направленное противъ старосты.

Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія и на то, что въ XVIII в. до чрезвычайныхъ размѣровъ возросло количество крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1721 г. Петръ Великій разрѣшилъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ съ тѣмъ, чтобы они были крѣпки не заводчикамъ и фабрикантамъ, а самимъ фабрикамъ и заводамъ, т. е. не продавались-бы и не закладывались бы отдѣльно отъ фабрикъ и заводовъ; впослѣдствіи такіе крестьяне получили названіе поссесіонныхъ. Въ 1783 г., при Екатеринѣ II, были прикрѣплены крестьяне въ Малороссіи, причемъ въ 1798 г. было запрещено продавать ихъ безъ земли. Наконецъ, русскіе государи XVIII в.—особенно Екатерина II и Павелъ I—увеличивали количество крѣпостныхъ владѣльческихъ крестьянъ пожалованіемъ дворянамъ земель, принадлежащихъ государству и населенныхъ крестьянами.

Итакъ, полный расцвѣтъ, безраздѣльное господство крѣпостного права на крестьянъ въ XVIII вѣкѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

IV.

Отношеніе крестьянъ къ крѣпостному праву въ XVII—XVIII вѣкахъ.

Крѣпостное право на крестьянъ въ XVII и особенно XVIII вѣкѣ сыграло важную роль въ развитіи народнаго хозяйства въ Россіи въ двухъ его основ-

ныхъ вѣтвяхъ—сельскомъ хозяйствѣ и обрабатывающей промышленности. Сельское хозяйство получило свою организацію благодаря, главнымъ образомъ, мірскому землевладѣнію, которое обезпечивало землей большую часть крѣпостной крестьянской массы, давало ей платежныя и рабочія силы для исполненія обязательствъ по отношенію къ государству и помѣщикамъ и, такимъ образомъ, открывало возможность для владѣльцевъ правильно устроить свое барское земледѣльческое хозяйство, увеличить количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ, поставляемыхъ на рынокъ для продажи. Такимъ образомъ, мірское землевладѣніе—это дѣтище крѣпостной эпохи—сыграло въ свое время очень важную и благодѣтельную роль.

Но крѣпостное право содѣйствовало также развитію новыхъ отраслей обрабатывающей промышленности. Денежное хозяйство въ Россіи XVIII вѣка вообще развивалось довольно туго и медленно. Поэтому дворяне-землевладѣльцы стремились обезпечить себя достаточнымъ количествомъ собственныхъ крѣпостныхъ ремесленниковъ всякаго рода. Съ этою цѣлью они прибѣгали къ разнымъ средствамъ: основывали свои фабрики, куда выписывали иностранныхъ мастеровъ, обучавшихъ крѣпостныхъ рабочихъ разнымъ мастерствамъ, посылали своихъ крестьянъ въ города для обученія у городскихъ ремесленниковъ, отпускали ихъ работать на купеческія фабрики, отправляли даже за границу. Подъ вліяніемъ всего этого развились крестьянскіе кустарные промыслы: научившись заграницей у городскихъ ремесленниковъ и на фабрикахъ разнымъ мастерствамъ, крестьяне разносили ихъ по деревнямъ и основывали здѣсь новыя производства,—стальныя, желѣзныя, корзиночныя, ткацкія и т. д. Это было тѣмъ легче, что

на фабрикахъ въ XVIII в. работали руками безъ помощи машинъ, такъ что фабричная работа не имѣла никакихъ преимуществъ передъ кустарной, и кустари успѣшно конкурировали съ фабриками.

Такимъ образомъ, крѣпостное право улучшало хозяйственное положеніе не однихъ помѣщиковъ—владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ, но и самихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Понятно, что многіе крестьяне приспособились къ крѣпостному праву, привыкли къ нему, сжились съ нимъ и нерѣдко проявляли большую преданность своимъ господамъ, готовность для нихъ пожертвовать многимъ. Однимъ словомъ, воспитались особыя рабьи чувства, прежде рѣже проявлявшіяся въ жизни. Мы имѣемъ, напр., завѣщаніе дворянина Ивана Григорьевича Нагого, относящееся еще къ 1598 году. По этому завѣщанію, Нагой передаетъ одно свое имѣніе въ собственность своему крѣпостному Богдану Сидорову „за его къ себѣ прямую службу и за терпѣніе, что онъ со мною животъ свой мучилъ на государевѣ службѣ въ Сибири 13 лѣтъ, да его-жъ, Богдана, за мой грѣхъ государь велѣлъ у меня взять изъ Сибири и привезти въ Москву, сковалъ и мучилъ онъ животъ свой, сидя въ цѣпи и въ желѣзахъ годъ“, а потомъ выпросилъ своему господину у царя помилованіе. Довѣріе Нагого къ Сидорову доходило до того, что въ завѣщаніи Нагой назначилъ Сидорова своимъ душеприказчикомъ и завѣщалъ ему дѣтей своихъ научить грамотѣ и быть ихъ опекуномъ до совершеннолѣтія.

Приведенный сейчасъ примѣръ указываетъ на хорошія, добрыя отношенія между господиномъ и крѣпостнымъ, обусловливавшіяся, вѣроятно, и добротой господина, и особой привязанностью къ нему со стороны крѣпостного. Но иногда господской доброты и не было,

а все-таки крѣпостная вѣрность проявлялась, рабьи чувства росли и укрѣплялись. Это превосходно изображено поэтомъ Некрасовымъ въ его „Пѣснѣ про холопа примѣрнаго Якова вѣрнаго“, гдѣ разсказывается между прочимъ слѣдующее:

„Былъ господинъ невысокаго рода,
Онъ деревнюшку на взятки купилъ,
Жилъ въ ней безвыѣздно 33 года,
Вольничалъ, бражничалъ, горькую пилъ.
Жадный, скупой, не дружился съ дворянами,
Только къ сестрицѣ ѣзжалъ на чаекъ;
Даже съ родными, не только съ крестьянами,
Былъ господинъ Поливановъ жестокъ:
Дочь повѣнчавъ, муженька благовѣрнаго
Высѣкъ, обоихъ прогналъ нагишомъ,
Въ зубы холопа примѣрнаго,
Якова вѣрнаго
Походя билъ каблукомъ.
Люди холопскаго званія—
Сущіе псы иногда:
Чѣмъ тяжелѣй наказаніе,
Тѣмъ имъ милѣй господа;
Яковъ такимъ объявился изъ младости;
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать,
Да племяша—малютку качать“.

Баринъ жестоко надругался надъ Яковомъ: когда его племянникъ выросъ и захотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, на которую зарился самъ баринъ, послѣдній отдалъ несчастнаго жениха въ солдаты, и Яковъ не нашелъ другого выхода, какъ повѣситься на глазахъ у барина.

Не всѣ, однако, приспособлялись къ крѣпостнымъ отношеніямъ, не всѣ легко ихъ переносили. Были люди среди крѣпостныхъ, которые тяготились крѣпостнымъ правомъ и жаждали стряхнуть съ себя цѣпи крѣпостной неволи. Многое вызывало въ нихъ такія желанія.

Прежде всего передъ ними рисовалась старинная, прежняя, вольная жизнь крестьянства, существовавшая задолго до крѣпостного права,—въ то время, когда много было приволья на Руси, когда каждый охотился, ловилъ рыбу, добывалъ медъ и воскъ, гдѣ угодно и сколько угодно, потому что простору было много, а людей мало. Съ такой жизнью многіе бѣглые крестьяне знакомились на Дону и за Днѣпровскими порогами, гдѣ образовалось казачество, жившее именно охотой и рыболовствомъ, свободно занимавшее вольныя земли, управлявшееся сходами казаковъ и выборными атаманами, не знавшее ни крѣпостничества, ни податей, ни оброковъ, ни барщины. А затѣмъ ненависть къ крѣпостному праву вызывалась жестокостями помѣщиковъ, которые мучили крѣпостныхъ, издѣвались надъ ними, ссылали ихъ, отдавали въ солдаты, насильничали, обременяли работой. Помѣщикъ Струйскій пыталъ и казнилъ своихъ крестьянъ, помѣщица Салтычиха замучила до смерти 18 человѣкъ крѣпостныхъ, не считая другихъ, которые также много терпѣли отъ нея, но остались живы. Этими двумя причинами—стремленіемъ къ старинной волѣ и жестокостями помѣщиковъ—и вызывались крестьянскія возстанія XVII и XVIII вѣковъ. Важнѣйшими изъ нихъ были два—возстаніе Разина въ XVII в. и Пугачева въ XVIII. Первое было вызвано, главнымъ образомъ, желаніемъ возстановить старину, второе было направлено противъ помѣщичьей жестокости, хотя также не было чуждо стремленія вернуться къ прежней волѣ. И Разинъ, и Пугачевъ сначала имѣли успѣхъ, захватили все нижнее и отчасти среднее Поволжье, но въ концѣ концовъ были разбиты схвачены и казнены. Причина ихъ неудачи кроется, кромѣ силы дворянства и правительственныхъ войскъ,

именно въ томъ, что оба они видѣли спасеніе въ возвращеніи къ старинѣ, а не впереди, не въ новомъ, а затѣмъ крѣпостное право было еще необходимо и помѣщикамъ и крестьянству.

V.

Хозяйственныя причины паденія крѣпостного права въ Россіи.

Въ XIX вѣкѣ, особенно къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ, хозяйственное положеніе Россіи стало существенно измѣняться. До этого времени хотя и развивалось денежное хозяйство, но развивалось медленно и захватывало не большинство народа, а лишь нѣкоторую, впрочемъ все болѣе значительную, часть его; только съ 50-хъ годовъ XIX столѣтія кругъ товарнаго обращенія расширился до того, что *большая* часть общества начала производить хозяйственныя блага для рынка, а не для собственнаго лишь потребленія. Это видно изъ цѣлаго ряда фактовъ. Прежде всего на это указываетъ ростъ оборотовъ русской внѣшней торговли. Выражая въ круглыхъ цифрахъ цѣнность русскаго вывоза за границу, можно сказать, что въ первые годы XIX в. онъ достигалъ 75 милліоновъ рублей въ годъ, а во второй половинѣ 50-хъ годовъ повысился до 230 милліоновъ; соотвѣтствующія цифры привоза заграничныхъ товаровъ за тѣ-же два хронологическихъ момента 52 и 200 милліоновъ рублей. Параллельно этому развивалась и торговля внутренняя, учесть обороты которой невозможно, но можно найти на то цѣлый рядъ косвенныхъ указаній. Такъ развитіе суконныхъ, ситценабивныхъ и ткацкихъ фабрикъ, хронологически опередившее ростъ другихъ отраслей русской фабрично-заводской промышленности, служитъ

вѣрнымъ показателемъ послѣдовательныхъ и постепенныхъ успѣховъ денежнаго хозяйства; фабричное сукно, ситецъ и миткаль, вслѣдствіе своей дешевизны и высокаго качества, вытѣсняли изъ употребленія продукты домашняго производства,—грубыя суконныя издѣлія и полотна. Далѣе, дворяне-землевладѣльцы, привыкшіе прежде удовлетворять почти всѣмъ своимъ потребностямъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ ближе къ половинѣ XIX в., тѣмъ болѣе расширяли кругъ предметовъ потребленія, пріобрѣтаемыхъ покупкою: одежда, мебель, металлическія издѣлія, экипажи, сбруя, земледѣльческія орудія прежде приготовлялись крѣпостными ремесленниками изъ дворовыхъ, а теперь стали покупаться. Вотъ почему дворовые люди въ большинствѣ случаевъ только по имени числились въ этомъ разрядѣ, а на дѣлѣ увольнялись на заработки за оброкъ. Иностранный наблюдатель нѣмецъ баронъ Гакстгаузенъ замѣтилъ это еще въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Въ 50-хъ годахъ въ ярославскомъ имѣніи Шипова изъ 101 дворового только 15 были заняты въ собственномъ хозяйствѣ помѣщика, остальные-же отпускались на оброкъ. Наконецъ, развитіе денежнаго хозяйства заставило и большую часть крѣпостныхъ земледѣльцевъ считаться съ условіями рынка. Это отражается очень ярко и въ ростѣ денежнаго оброка, въ совершенномъ почти вытѣсненіи имъ оброка натуральнаго, и въ развитіи крестьянскаго отхода на заработки въ городъ, и въ обогащеніи многихъ крѣпостныхъ, которые выкупались на волю и основывали крупныя торгово-промышленныя предпріятія. Такъ случилось съ Морозовыми еще въ концѣ XVIII вѣка, подобное-же можно сказать о кустаряхъ-набойщикахъ села Иванова Шуйскаго уѣзда, наконецъ, въ 1831 г. Кондратовы,—тоже

бывшіе крѣпостные,—основали свой металлическій заводъ въ селѣ Вачѣ Муромскаго уѣзда.

Развитіе денежнаго хозяйства сильно отражалось и на земледѣліи и на обрабатывающей промышленности,—какъ на ихъ относительномъ значеніи, такъ и на системѣ или техникѣ, т. е. на способахъ или пріемахъ производства, на степени затраты труда и капитала.

Земледѣліе продолжало еще играть господствующую роль въ народномъ производствѣ, но средняя и сѣверная Россія постепенно дѣлается не столько земледѣльческой, сколько промышленной страной, а земледѣльческими районами являются только мѣстности къ югу отъ Оки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе повышенія спроса на проданный русскій хлѣбъ заграницей и въ Россіи, оказываются устарѣлыми и малополезными старые пріемы обработки земли; необходимымъ становится ихъ улучшеніе, большая производительность труда въ земледѣліи. На рубежѣ XVIII и XIX столѣтій русское земледѣліе даже въ издавна заселенныхъ, старинныхъ областяхъ страны представляло собою обширное поле безраздѣльнаго, исключительнаго примѣненія трехпольной системы. При этомъ не мало было такихъ мѣстностей, гдѣ трехполье существовало въ крайне несовершенномъ, недоразвитомъ видѣ; развитой трехпольной системой полевого хозяйства считается такая, когда ежегодно лишь треть годной для распашки земли остается подъ паромъ и удобряется навозомъ, а другія двѣ трети засѣваются наполовину озимью и наполовину яровымъ хлѣбомъ; но уже тогда, когда ежегодно остается безъ обработки половина всей пахотной земли, мы наблюдаемъ въ сущности трехпольную систему въ зачаточномъ, недоразвитомъ состояніи, потому что при такихъ условіяхъ залежь уже

недолго остается безъ распашки, не можетъ возстановить свои производительныя силы путемъ простого отдыха, безъ удобренія, и, слѣдовательно, превращается уже въ паръ. Въ началѣ XIX в. недоразвитое трехполье было распространено еще сильно въ Европейской Россіи, встрѣчалось нерѣдко въ такихъ центральныхъ губерніяхъ, какъ Калужская. Обширныя восточныя и южныя окраины Европейской Россіи и всѣ азіатскія владѣнія въ то же время и долго еще позднѣе оставались широкой ареной переложнаго земледѣлія. Въ первой половинѣ XIX в., особенно въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, зачаточныя формы трехполья развиваются въ его чистую законченную форму; переложная система переходитъ въ недоразвитую трехпольную и, наконецъ, появляется мѣстами болѣе совершенная, чѣмъ трехпольная, плодосмѣнная система земледѣлія, основанная на уничтоженіи пара, замѣнѣ его посѣвомъ утучняющихъ почву травъ, вродѣ клевера и смѣнѣ зерновыхъ хлѣбовъ корнеплодами (кортофелемъ, свекловицей), причемъ вводится искусственное удобреніе (приготовленные химическимъ путемъ туки, минеральныя удобренія—фосфориты и т. д.). Уже въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ нѣкоторые дворяне-землевладѣльцы, какъ напримѣръ, калужскій—Полтарацкій, тверской—Шелиховъ и Воробьевъ, тульскій—Хрущовъ, отчасти также рязанскій—Семеновъ, сдѣлали смѣлыя и въ общемъ удачныя попытки привить плодосмѣнъ.

Въ то же время развивалась обрабатывающая промышленность. Въ первые 50 лѣтъ XIX в. количество перерабатываемаго въ Россіи хлопка возросло въ 16 разъ. Въ 1850 г. считалось уже 492 суконныхъ фабрики. Въ 40-хъ годахъ пышнымъ цвѣтомъ распускается кустарная промышленность: къ этому, именно, времени отно-

сится процвѣтаніе извѣстныхъ теперь кустарныхъ центровъ—Павлова, Ворсмы, Иванова-Вознесенска, Кимръ и т. д. На фабрикахъ улучшаются и пріемы производства,—вводятся машины: уже въ сороковыхъ годахъ техническій уровень русскаго фабричнаго хлопчатобумажнаго производства былъ довольно высокъ.

Наконецъ, новые пріемы производства въ земледѣліи и обрабатывающей промышленности требовали и новыхъ формъ хозяйственныхъ предпріятій.

Пока фабрика знала лишь ручное, не машинное производство, какъ то было въ XVIII вѣкѣ, до тѣхъ поръ на ней господствовалъ не свободный трудъ—крѣпостныхъ крестьянъ на дворянскихъ фабрикахъ и крестьянъ посессіонныхъ на фабрикахъ купеческихъ. Это происходило оттого, что не было нужды въ большомъ количествѣ товара и притомъ въ товарѣ хорошаго качества: покупателей было мало, и они были очень невзыскательны. Въ XIX в. мы наблюдаемъ важныя перемѣны въ формахъ фабричнаго производства: дворянскія фабрики постепенно исчезаютъ,—въ 30-хъ годахъ онѣ составляютъ уже только седьмую часть всѣхъ русскихъ фабрикъ, а въ 40-хъ—едва двадцатую часть; затѣмъ падаютъ и купеческія посессіонныя фабрики: въ 1816 г. Александръ I навсегда запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, въ 1825 г. уже болѣе половины всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму, въ 30-хъ годахъ фабриканты громко жаловались на невыгодность посессіоннаго труда, въ 1840 г. изданъ былъ законъ, по которому фабриканты получили право освобождать своихъ рабочихъ за деньги или безплатно, и тотчасъ послѣ этого болѣе половины посессіонныхъ фабрикъ перешло, по желанію владѣльцевъ, къ вольнонаемному труду. Однимъ словомъ, къ

половинѣ XIX вѣка, когда понадобились подъ вліяніемъ машиннаго производства болѣе искусные и старательные фабричные рабочіе, въ обрабатывающей промышленности восторжествовалъ вольнонаемный трудъ; такимъ образомъ, возникъ и усилился спросъ на вольнонаемныхъ рабочихъ, и выдвинулся вопросъ о необходимости освободить крестьянское населеніе отъ крѣпостной зависимости. Мы видимъ, слѣдовательно, что развитіе денежнаго хозяйства и неизбѣжный результатъ его—ростъ фабричной промышленности съ наемнымъ, свободнымъ трудомъ—подрывали крѣпостное право въ его основаніяхъ и выставляли крестьянскую реформу въ качествѣ требованія, совершенно-необходимаго въ интересахъ національно-хозяйственнаго развитія Россіи. Такова первая экономическая причина паденія крѣпостного права въ Россіи, коренящаяся въ развитіи обрабатывающей промышленности.

Точно также и въ земледѣліи переходъ къ настоящему, развитому трехполью и зарожденіе плодосмѣна подготовили торжество труда свободнаго надъ крѣпостнымъ. Признакомъ этого является прежде всего уменьшеніе къ половинѣ XIX в. количества барщинныхъ крестьянъ сравнительно съ XVIII столѣтіемъ; такъ, во Владимірской губерніи въ XVIII в. половина помѣщичьихъ крестьянъ сидѣла на барщинѣ, а въ половинѣ XIX вѣка такихъ крестьянъ было уже только $^3/_{10}$; въ Московской губерніи въ XVIII в. работали на барщинѣ немногимъ менѣе $^2/_3$ крестьянъ, а въ половинѣ XIX в. меньше трети. Значитъ барщинный, несвободный трудъ сокращался. Правда, въ южныхъ чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ это было невсегда, тамъ иногда на барщину въ XIX в. переводились новые крестьяне, прежде бывшіе на оброкѣ, потому что съ ростомъ хлѣб-

ной торговли расширялась барская запашка и обострялась потребность въ рабочихъ рукахъ, но и здѣсь свободный, вольнонаемный трудъ выступалъ все болѣе на видъ: крѣпостного населенія не хватало, и помѣщики нанимали рабочихъ, приходившихъ изъ другихъ густо населенныхъ губерній; во многихъ имѣніяхъ прямо переходили къ вольнонаемному труду, безъ примѣси или съ небольшой примѣсью крѣпостного: такъ было въ тульскихъ имѣніяхъ графа Бобринскаго и Хрущова, въ нижегородскомъ имѣніи Чаадаева, во многихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ Тамбовской губерніи. Еще въ началѣ 40-хъ годовъ многіе дворяне-землевладѣльцы заявляли, что считаютъ вольнонаемный земледѣльческій трудъ болѣе выгоднымъ для себя, чѣмъ крѣпостной. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго или страннаго: вѣдь затраты на улучшенные пріемы земледѣлія дѣлали необходимымъ увеличеніе производительности труда, заставляли заботиться о томъ, чтобы урожаи были лучше и хлѣбъ былъ высшаго качества; между тѣмъ барщинный, подневольный трудъ отличается слабой производительностью: работая неохотно, по неволѣ, въ пользу другого, безъ всякой для себя выгоды, барщинный крестьянинъ исполняетъ свое дѣло чрезвычайно плохо, почему и земля подъ барской пашней не окупаетъ своимъ скуднымъ урожаемъ повышенныхъ, благодаря усовершенствованіямъ, расходовъ. Остается одно средство для повышенія дохода— употребленіе вольнонаемнаго труда, при которомъ искусный, трудолюбивый работникъ вознаграждается лучше другихъ. Другими словами, необходима отмѣна крѣпостного права. Итакъ, вторая экономическая причина паденія крѣпостного права въ Россіи состояла въ перемѣнахъ пріемовъ и формъ земледѣльческаго производства.

Въ общемъ, то самое денежное хозяйство, которое въ началѣ своего развитія вызвало къ жизни крѣпостныя отношенія, въ послѣдовательномъ своемъ ростѣ повело къ уничтоженію крѣпостного права, заставивъ и въ земледѣліи, и въ обрабатывающей промышленности, перейти къ улучшеннымъ пріемамъ производства, въ свою очередь усилившимъ примѣненіе свободнаго, вольнонаемнаго труда и сдѣлавшимъ настоятельной потребностью освобожденіе крестьянъ.

VI.

Подготовка и развитіе въ русскомъ обществѣ мысли о необходимости уничтоженія крѣпостного права.

Для того, чтобы осуществить въ жизни какое либо преобразованіе, недостаточно одной подготовки его въ жизни, хозяйственными условіями времени,—для этого необходимо еще сознаніе обществомъ настоятельности и нужды такого преобразованія. Поэтому мы должны теперь познакомиться съ тѣмъ, какъ была подготовлена и развилась въ русскомъ обществѣ мысль о необходимости уничтожить крѣпостное право.

Эта мысль появилась впервые еще тогда, когда крестьянская реформа далеко не была подготовлена хозяйственной жизнью страны, въ пору наибольшаго расцвѣта крѣпостныхъ отношеній,—въ царствованіе Екатерины II. Но это не значитъ, что въ то время постановка крестьянскаго вопроса не зависѣла отъ житейскихъ обстоятельствъ, отъ хозяйственныхъ условій: именно по той причинѣ, что окружающая дѣйствительность неблагопріятствовала освободительнымъ стремленіямъ, эти послѣднія принимали большею частью неосуществимую форму, не могли быть примѣ-

нены къ жизни; вмѣсто настоящихъ плановъ преобразованія въ результатѣ получались одни порывы и мечтанія. Мысль объ освобожденіи крестьянъ обнаружилась почти одновременно и въ правительственныхъ кругахъ, и въ обществѣ, и въ литературѣ. И вездѣ она быля создана двумя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что русскіе законы не опредѣляли точно правъ землевладѣльцевъ по отношенію къ крестьянамъ, откуда происходила чрезмѣрная требовательность къ крѣпостнымъ со стороны ихъ господъ; во-вторыхъ, вліяніемъ западно-европейской, по преимуществу французской просвѣтительной литературы XVIII вѣка, признававшей свободу и равенство основными правами человѣка и отрицавшей, поэтому, крѣпостное право. Въ обществѣ и правительствѣ намѣтились, такимъ образомъ, два теченія: 1) просвѣтительно-освободительное, имѣвшее въ виду освобожденіе личности крестьянина безъ надѣленія его хозяйственной самостоятельностью, т. е. безъ сохраненія за нимъ земли, 2) практическое, не задававшееся широкими планами, въ сущности лишенное настоящаго освободительнаго стремленія и предлагавшее лишь смягченіе и законодательное опредѣленіе предѣловъ крѣпостного права, ограниченіе въ законѣ помѣщичьей власти надъ крестьянами. Первое теченіе было сильнѣе второго по числу сторонниковъ, но оба оказались совершенно безрезультатными въ силу неподготовленности реформы жизнью хозяйственными условіями. Представителемъ перваго теченія былъ, напр., князь Голицынъ, настаивавшій въ своихъ письмахъ къ Горчакову, доходившихъ до самой императрицы, на безземельномъ освобожденіи крестьянъ Депутатъ, въ созванной Екатериною въ 1767 г. Коммиссіи для составленія проэкта новаго Уложенія, Коробь

инъ стоялъ за опредѣленіе въ законѣ крестьянскихъ имущественныхъ правъ и высказывался противъ чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ владѣльческими поборами, т. е. склонялся къ практическому взгляду на необходимость не уничтоженія, а только законодательнаго ограниченія крѣпостного права. Подобные-же взгляды высказывали графъ Петръ Панинъ и Сиверсъ, и, наконецъ, къ этому склонна была и сама императрица, какъ видно изъ ея „Наказа", даннаго Коммиссіи депутатовъ 1767 г. и представлявшаго собою общее изложеніе преобразовательныхъ плановъ правительства. Тотъ же практическій вопросъ занималъ и учрежденное въ началѣ царствованія Екатерины Императорское вольное экономическое общество, объявившее на премію тему о правѣ собственности крестьянъ и увѣнчавшее преміей работу француза Беарде-де-Лабея, который признавалъ за крестьянами это право и предлагалъ точно опредѣлить его въ законѣ. Въ концѣ царствованія Екатерины II освободительныя стремленія нашли себѣ яркое и талантливое литературное отраженіе въ знаменитомъ сочиненіи Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", гдѣ изображены были ужасы крѣпостного права, злоупотребленія помѣщиковъ властью надъ крестьянами, и набросанъ былъ цѣлый подробный планъ освобожденія. Характерно, однако, для того времени, что Радищевъ за свое сочиненіе жестоко поплатился долголѣтней ссылкой въ Сибирь. Вообще, можно сказать, что при Екатеринѣ II преобладалъ неосуществимый планъ освободить крестьянъ безъ земли: то было время, когда мысль объ освобожденіи едва намѣчалась и зарождалась и потому практическихъ послѣдствій не имѣла.

Болѣе плодотворнымъ въ отношеніи смягченія крѣпостного права было короткое царствованіе непосредственнаго преемника Екатерины—Павла I. Въ день коронаціи императора, 5 апрѣля 1797 года, былъ изданъ манифестъ, имѣющій то значеніе, что онъ былъ первымъ законодательнымъ актомъ, регулировавшимъ отношенія крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ, слѣдовательно, ограничивавшимъ крѣпостное право: этимъ манифестомъ было установлено, что крестьянская барщинная работа на владѣльца не должна превышать три дня въ недѣлю; такимъ образомъ, если не считать воскресеній, половина всего рабочаго времени оставалась крестьянину для его собственной работы на себя. Такъ началъ осуществляться въ дѣйствительности практическій взглядъ на необходимость законодательнаго опредѣленія крѣпостныхъ отношеній. Надо, впрочемъ, замѣтить, что манифестъ 5 апрѣля 1797 г. оригинальнымъ образомъ выражалъ идею ограниченія крестьянской барщины: онъ *не предписывалъ* помѣщикамъ ограничиться требованіемъ трехдневной барщины, а *разрѣшалъ* имъ это: какъ будто это было исполненіемъ желанія самихъ помѣщиковъ и, съ другой стороны, какъ будто признавалось, что они раньше не имѣли права давать крестьянамъ подобныя поблажки. Нечего и говорить о томъ, что трехдневная барщина далеко не всегда соблюдалась и при Павлѣ I, и позднѣе: сплошь и рядомъ владѣльцы крѣпостныхъ душъ заставляли работать на себя больше

Въ царствованіе Александра I сдѣлана была первая попытка частичнаго и постепеннаго освобожденія. Помѣщики всегда имѣли право отпускать на волю отдѣльныхъ своихъ крѣпостныхъ, но законъ не дозволялъ освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями и

иміэніями. Графъ Сергѣй Румянцевъ подалъ императору записку, гдѣ предлагался проэктъ разрѣшить дворянамъ увольнять крестьянъ изъ крѣпостного состоянія цѣлыми селеніями или имѣніями за плату или безплатно, но непремѣнно съ земельнымъ надѣломъ. Результатомъ этой записки было изданіе въ 1803 году закона о свободныхъ или вольныхъ хлѣбопашцахъ, переименованныхъ потомъ при Николаѣ I, въ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ былъ точнымъ осуществленіемъ проэкта Румянцева. Значеніе этого закона въ исторіи крестьянскаго вопроса велико: онъ не только осуществилъ въ жизни освобожденіе крестьянъ цѣлыми массами—тутъ на дѣлѣ не такъ еще значительны были его послѣдствія, потому что на его основаніи вышли на волю до 1861 г. всего 112 тысячъ душъ мужского пола,—но и, что гораздо важнѣе, подчеркнулъ впервые необходимость освобожденія крестьянъ непремѣнно съ землей.

Этимъ не ограничилось значеніе царствованія Александра I въ развитіи мысли о необходимости облегченія и отмѣны крѣпостного права: на облегченіи крестьянской барщины и на устраненіи жестокости владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ особенно настаивалъ въ это время Николай Тургеневъ; тогда-же зародилась мысль подвинуть впередъ и ускорить ходъ частичнаго и постепеннаго освобожденія крестьянъ, предоставивъ помѣщикамъ право дѣлать крестьянъ лично-свободными и давать имъ при этомъ землю не въ собственность, а въ вѣчную аренду на условіяхъ, точно опредѣленныхъ въ законѣ; эта мысль впервые была высказана Сперанскимъ и проявилась затѣмъ въ мнѣніи гр. Стенбока и въ проэктѣ петербургскаго дворянства,

представленномъ правительству, но оставшемся безъ дальнѣйшаго движенія; наконецъ, Вольное экономическое общество предложило на премію тему о сравнительной выгодности для хозяина крѣпостного и вольнонаемнаго труда, и первую премію получилъ Якобъ, признававшій вольнонаемный трудъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ крѣпостной.

Оффиціальная исторія крестьянскаго вопроса при Николаѣ I начинается дѣятельностью секретнаго комитета, учрежденнаго 6 декабря 1826 г. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ комитетѣ былъ Сперанскій, представившій обстоятельную записку, въ которой онъ предлагалъ запретить безземельную продажу крестьянъ, дозволить безпрепятственно увольнять ихъ на свободу и опредѣлить всѣ работы и повинности крѣпостныхъ договоромъ ихъ съ помѣщиками, взаимнымъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ. Секретный комитетъ принялъ предложеніе Сперанскаго, но никакихъ законодательныхъ послѣдствій работы комитета не имѣли. Зато онѣ повліяли на послѣдующій ходъ крестьянскаго дѣла. Въ царствованіе императора Николая I учреждался цѣлый рядъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу, и въ нихъ предлагались проэкты самаго разнообразнаго характера, рекомендовавшіе то освобожденіе крестьянъ безъ земли, то частичныя поправки, то, наконецъ, предлагавшіе, согласно указаннымъ уже нами выше предположеніямъ Сперанскаго, личное освобожденіе крестьянъ съ сохраненіемъ за ними права собственности на движимость, права перехода въ другія свободныя состоянія и на иныя владѣльческія земли, но съ правомъ не земельной собственности, а лишь постояннаго пользованія помѣщичьей землей за опредѣленные въ законѣ оброки и

повинности. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ и поданъ въ комитетъ 1839 г. проэктъ графа Киселева, въ которомъ такіе свободные крестьяне—арендаторы помѣщичьей земли назывались обязанными. На основѣ этого проэкта въ 1842 г. былъ изданъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, отличавшійся, однако, существеннымъ образомъ отъ проэкта Киселева: именно: Киселевъ предполагалъ опредѣлить платежи и повинности крестьянъ особыми оффиціальными книгами—инвентарями, чѣмъ устранялись личный произволъ и притѣсненія, а на дѣлѣ, въ законѣ, опредѣленіе повинностей и платежей предоставлено было свободному соглашенію крестьянъ съ землевладѣльцами, такъ что въ сущности все зависѣло отъ землевладѣльцевъ, какъ болѣе сильной стороны. Единственнымъ улучшеніемъ, кромѣ личной свободы, было, значитъ, предоставленіе крестьянамъ нѣкотораго количества земли въ вѣчную аренду. Поэтому законъ объ обязанныхъ крестьянахъ имѣлъ еще меньше значенія на дѣлѣ, чѣмъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, примѣнялся гораздо еще рѣже. Ему принадлежитъ тѣмъ не менѣе значительная роль въ исторіи крестьянскаго вопроса,—болѣе значительная, чѣмъ закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ: онъ возбудилъ вниманіе къ крестьянскому вопросу въ провинціальномъ дворянствѣ и къ Киселеву стали поступать записки по крестьянскому дѣлу, подготовлявшія общество къ реформѣ, такъ какъ онѣ ходили въ рукописяхъ по рукамъ. Изъ другихъ законодательныхъ мѣръ правительства по крестьянскому дѣлу при Николаѣ I заслуживаетъ упоминанія еще одна: указъ 1847 г., разрѣшившій крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга; но практическое значеніе этого указа было совершен-

но ничтожно: имъ воспользовалось менѣе 1000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 40-хъ годахъ нѣкоторыя дворянскія общества стали ясно сознавать необходимость реформы и—хотя и безуспѣшно—ходатайствовали передъ правительствомъ объ учрежденіи мѣстныхъ комитетовъ по крестьянскиму дѣлу; такія ходатайства были представлены напр., смоленскими и тульскими дворянами. Вопросъ назрѣвалъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе и привлекалъ къ себѣ общественное вниманіе.

Остается указать, что къ концу царствованія Николая I все сильнѣе обнаруживалась и сознавалась необходимость освобожденія крестьянъ въ интересахъ внутренняго порядка и внѣшней безопасности государства. Внутренній порядокъ нарушался крестьянскими волненіями, число которыхъ при Николаѣ I доходило до крупной цифры—556, причемъ въ 20-хъ годахъ было всего 41 волненіе, а въ 50-хъ число ихъ дошло до 137, цифры очень внушительной. Государство не можетъ терпѣть такіе безпорядки, а единственнымъ радикальнымъ средствомъ ихъ уничтоженія является устраненіе ихъ причины—крѣпостного права. Внѣшняя безопасность государства требовала развитія производительныхъ силъ страны, промышленности, торговли, путей сообщенія, такъ какъ недостатки во всемъ этомъ гибельно отражались на финансахъ государства, ставили Россію въ низшее положеніе сравнительно съ западомъ Европы и были основной причиной пораженія, понесеннаго нашимъ отечествомъ въ Крымской войнѣ. А для подъема промышленности и торговли, какъ мы знаемъ, существенно необходима была отмѣна крѣпостныхъ отношеній.

Такимъ образомъ, когда началось новое царствованіе—императора Александра II,—настоятельная необходимость законодательнаго уничтоженія крѣпостного права была несомнѣнна для правительства и лучшей, мыслящей и образованной части русскаго общества. Были намѣчены предшествующей исторіей и важнѣйшіе пріемы освобожденія: съ землей, подъ условіемъ выкупа, при содѣйствіи мѣстныхъ дворянскихъ комитетовъ.

Какъ всегда бываетъ, освободительныя стремленія, обнаружившіяся въ обществѣ подъ вліяніемъ практическихъ потребностей и интересовъ, плохо сознаваемыхъ большинствомъ, находили себѣ подкрѣпленіе, подогрѣвались и распространялись въ массѣ той отраслью литературы, которая говоритъ всѣмъ понятнымъ языкомъ, дѣйствуетъ на чувство и воображеніе: мы говоримъ объ изящной литературѣ или беллетристикѣ. Лучшіе представители русской литературы внесли свою лепту въ дѣло распространенія въ обществѣ мысли объ освобожденіи крестьянъ. Не входя въ подробности, можно указать въ этомъ отношеніи на такія общеизвѣстныя и крупныя явленія, какъ знаменитое стихотвореніе Пушкина „Деревня“ съ опальными нѣкогда стихами: „Увижу-ль, наконецъ, народъ неугнетенный, и рабство, павшее по манію царя? и надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?“ Сюда, въ особенности, относятся такія позднѣйшія сочиненія, какъ „Записки охотника“ Тургенева и „Антонъ Горемыка“ Григоровича. Тургеневъ и Григоровичъ впервые вскрыли передъ массой русской читающей публики духовный міръ крестьянина, его психологію, содѣйствовали нравственному сближенію образованнаго общества съ

народомъ, открыли въ крѣпостномъ крестьянинѣ человѣка. Мы не можемъ теперь и представить себѣ то удивительно-сильное впечатлѣніе, какое произвели „Записки охотника“ и „Антонъ Горемыка“ на русское общество 40-хъ и 50-хъ годовъ XIX вѣка: это потому, что мы такъ сжились, сроднились съ мыслью о крестьянинѣ какъ такомъ-же человѣкѣ, какъ мы, что цѣнимъ въ „Запискахъ охотника“ лишь ихъ превосходную художественную, эстетическую сторону, а что касается „Антона Горемыки“, то эта въ сущности малохудожественная, сентиментальная, слащавая повѣсть теперь кажется прямо—неинтересной и фальшивой. Но не то было тогда: въ тотъ историческій моментъ оба названныхъ сочиненія,—и „Антонъ Горемыка“ не менѣе „Записокъ охотника“,—сыграли приблизительно ту-же роль, какая принадлежала въ эпоху освобожденія негровъ въ Америкѣ извѣстному роману Бичеръ-Стоу „Хижина дяди Тома“. Сердца согрѣты были горячимъ чувствомъ состраданія и братской любви, а для этихъ чувствъ, разъ они возникли, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ преградъ и препятствій.

VII.

Осуществленіе реформы 19 февраля 1861 г.

Въ осуществленіи реформы 19 февраля 1861 г. слѣдуетъ различать четыре главныхъ момента: 1) начало царствованія Александра II—до конца ноября 1857 г.; 2) эпоху рескриптовъ, положившихъ начало новому повороту дѣла и вызвавшихъ учрежденіе губернскихъ дворянскихъ комитетовъ,—съ конца ноября 1857 г. до октября 1858 г.; 3) время дѣятельности губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу,—1858

году и отчасти 1859 г.; 4) эпоху дѣятельности редакціонныхъ комиссій, главнаго комитета и государственнаго совѣта,--съ 1859 по 1861 гг.

Въ первый моментъ правительство оставалось всецѣло на старой почвѣ, пыталось разрѣшить крестьянскій вопросъ при помощи стараго, на практикѣ показавшаго въ царствованіе Николая I свою непригодность средства,—именно, секретнаго комитета. 3 января 1857 г. былъ учрежденъ такой комитетъ подъ предсѣдательствомъ врага реформы князя Орлова изъ лицъ, большею частью мало сочувствовавшихъ освобожденію. Большинство членовъ комитета стояло за личное освобожденіе крестьянъ безъ земельнаго надѣла, но съ правомъ на аренду земли у помѣщиковъ. Такимъ образомъ точка зрѣнія оставалась прежней, унаслѣдованной отъ Николаевской эпохи. При томъ комитетъ высказался за постепенное освобожденіе крестьянъ по частямъ, а не во всей Россіи разомъ. Императоръ Александръ II, которому доложены были результаты трудовъ секретнаго комитета 3 января 1857 г., обсудилъ ихъ съ Киселевымъ, упоминавшимся уже нами, лучшимъ государственнымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу при Николаѣ I, причемъ Киселевъ категорически высказался за освобожденіе крестьянъ непремѣнно съ землей. Этимъ былъ поставленъ крестъ надъ всѣми трудами комитета, и вмѣстѣ съ тѣмъ кончился первый моментъ осуществленія крестьянской реформы при Александрѣ II.

Историческое значеніе этого момента сводится къ тому, что правительство окончательно убѣдилось въ невозможности разрѣшенія вопросъ старыми средствами и стало искать новыхъ путей.

Великое дѣло освобожденія не могло совершиться

въ *секретномъ* комитетѣ, подъ покровомъ бюрократической тайны: оно нуждалось въ гласности и въ свѣтѣ, равно какъ и въ общественномъ содѣйствіи.

Въ это время въ Петербургъ пріѣхалъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ мнѣніе дворянства сѣверозападныхъ губерній объ установленіи его отношеній къ крестьянамъ. Сѣверозападные дворяне, т. е. дворяне Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, держались той точки зрѣнія, что крестьяне должны быть освобождены безъ права собственности на землю, но съ правомъ пользованія помѣщичьей землею на основаніи инвентарей, опредѣлявшихъ точно повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Это было въ сущности возстановленіемъ и расширеніемъ стараго проекта Киселева, вызвавшаго изданіе закона 1842 года. Тогда Александръ II предложилъ секретному комитету разсмотрѣть проектъ составленія губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу въ сѣверозападныхъ губерніяхъ и 20 ноября издалъ рескриптъ на имя Назимова. Это былъ первый рѣшительный шагъ въ дѣлѣ реформы и вмѣстѣ начало второго момента ея осуществленія. Въ рескриптѣ указано было средство освобожденія крестьянъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ и изложены общія начала, которыя необходимо было, по мнѣнію правительства, предложить въ основу предпринятаго преобразованія. Средствомъ должно было признать, по рескрипту, учрежденіе губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Ковенской, а основныя начала ихъ работы выражены были слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, признавалось право собственности дворянъ на всю землю, но крестьянамъ дано было право выкупа себѣ

въ собственность усадебной осѣдлости и право пользованія извѣстнымъ количествомъ полевыхъ, сѣнокосныхъ и лѣсныхъ угодій за оброкъ или работу на помѣщика; во-вторыхъ, крестьянъ предположено распредѣлить на сельскія общества съ предоставленіемъ помѣщикамъ полицейской и судебной власти надъ ними,—вотчинной юстиціи и полиціи. Изъ этого не трудно усмотрѣть, что, какъ ни важенъ былъ сдѣланный впередъ шагъ, рескриптъ Назимову сохранялъ, однако, много устарѣлыхъ началъ и окаменѣлыхъ преданій прошлаго, удовлетворялъ почти исключительно интересамъ дворянъ землевладѣльцевъ, а не крестьянъ: реформа вырабатывалась и осуществлялась съ большимъ трудомъ и съ чрезвычайно медленной постепенностью. Важно было то, что послѣ названнаго рескрипта въ правительственныхъ кругахъ выдвинулись впередъ и стали пріобрѣтать вліяніе рѣшительные и убѣжденные сторонники реформы: министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской всецѣло подчинился вліянію одного изъ директоровъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, впослѣдствіи товарища министра Николая Милютина, и кружка великой княгини Елены Павловны, горячей сторонницы освобожденія. Потомъ вспомнили о старомъ ходатайствѣ дворянъ Петербургской губерніи, просившихъ нѣкогда дозволенія составить проектъ управленія помѣщичьими имѣніями на основаніи инвентарей. Этимъ ходатайствомъ рѣшили воспользоваться, чтобы придать общерусское значеніе мѣрамъ, рекомендованнымъ въ рескриптѣ Назимову, и съ этою цѣлью былъ изданъ другой рескриптъ Александра II—на имя Петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева. По содержанію новый рескриптъ былъ совершенно подобенъ Назимовскому, повторялъ всѣ его

основныя положенія. Тогда нижегородское дворянство, по почину мѣстнаго губернатора Муравьева, горячаго сторонника освобожденія, обратилось къ правительству съ ходатайствомъ объ открытіи въ Нижегородской губерніи дворянскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу. Въ началѣ 1858 г., не безъ давленія со стороны правительства, о томъ же просило московское дворянство, а съ марта того же года стали поступать ходатайства объ учрежденіи дворянскихъ комитетовъ въ другихъ губерніяхъ, опять таки не безъ вліянія со стороны правительства; масса провинціальнаго дворянства съ трудомъ мирилась съ необходимостью перемѣнъ. Къ октябрю 1858 г. губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу были учреждены вездѣ, гдѣ существовали владѣльческіе, крѣпостные крестьяне, и этимъ учрежденіемъ завершается, такимъ образомъ, второй моментъ осуществленія реформы 19 февраля. Въ этотъ же моментъ—именно въ началѣ 1858 г.—секретный комитетъ, учрежденный 3 января 1857 г., былъ переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, чѣмъ ясно и твердо обнаружена была рѣшимость правительства открыто произвести реформу и довести ее до конца. Дѣло преобразованія стало теперь гласнымъ, перестало быть тайной.

Третій моментъ охватываетъ всю дѣятельность губернскихъ комитетовъ, явившихся выразителями взглядовъ русскаго дворянства. Дворянство того времени, какъ то видно изъ дѣятельности дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, не все одинаково относилось къ предпринятой реформѣ. Въ немъ можно было различить въ этомъ отношеніи четыре главныхъ направленія. Къ первому принадлежало большинство: то были помѣщики-рутинеры, привыкшіе вести хозяйство по

старинѣ, большею частью давно уже раззорившіеся, но кое-какъ перебивавшіеся при старыхъ порядкахъ, отсрочивавшіе хозяйственную катастрофу со дня на день; они были въ сущности рѣшительными и непреклонными врагами освобожденія, и если, скрѣпя сердце, мирились съ необходимостью крестьянской свободы, то обставляли ея достиженіе тремя тяжелыми для крестьянъ условіями: выкупомъ самой личности крѣпостного крестьянина, т. е. особымъ платежемъ за самый выходъ на свободу, сохраненіемъ барщины послѣ освобожденія и полнымъ или почти полнымъ лишеніемъ крестьянъ земельнаго надѣла. Въ сущности, люди этого направленія стремились, слѣдовательно, сохранить возможно больше крѣпостныхъ порядковъ. Ко второму направленію принадлежали люди богатые и знатные, привыкшіе къ власти и большею частью переходившіе уже къ крупному земледѣльческому хозяйству въ своихъ имѣніяхъ. Они не противились освобожденію: имъ былъ нуженъ вольнонаемный трудъ земледѣльческихъ рабочихъ; но, во первыхъ, они желали снабдить крестьянъ лишь ограниченнымъ по размѣрамъ земельнымъ надѣломъ, во-вторыхъ, они стремились къ аристократическому строю мѣстнаго управленія, съ предоставленіемъ административной и судебной власти—вотчинной юстиціи и полиціи—крупнымъ землевладѣльцамъ изъ дворянъ. Третье направленіе представлено было дворянами, безусловно стоявшими за освобожденіе крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ; такихъ было еще меньше, чѣмъ дворянъ-аристократовъ. Наконецъ, было еще четвертое направленіе: это были дворяне—конституціоналисты: большинство ихъ не стояло за крупный надѣлъ, но всѣ они были сторонниками освобожденія съ землей и созданія центральнаго пред-

ставительнаго учрежденія съ перевѣсомъ въ немъ дворянства. Представителемъ этого направленіе былъ Тверской губернскій предводитель дворянства Унковскій, къ которому примыкало большинство тверскихъ дворянъ. Московское дворянство состояло, главнымъ образомъ, изъ представителей двухъ первыхъ направленій и на рѣшительныя мѣры въ пользу освобожденія съ землей было подвергнуто только личнымъ заявленіемъ императора Александра II, который выразилъ недовольство медленностью работы и ея направленіемъ въ московскомъ губернскомъ комитетѣ и указалъ на необходимость произвести реформу сверху, чтобы она не началась снизу. Московскій губернскій комитетъ вообще типиченъ для большинства комитетовъ.

Въ то время, какъ въ провинціи шла дѣятельность губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, сопровождавшаяся борьбою указанныхъ четырехъ взглядовъ на вопросъ, стоявшій на очереди, въ столицѣ государства подготовлялись перемѣны, изъ взаимодѣйствія которыхъ съ результатами трудовъ губернскихъ комитетовъ вышелъ четвертый, и послѣдній, моментъ осуществленія крестьянской реформы. Въ Петербургѣ на помощь рѣшительнымъ сторонникамъ освобожденія крестьянъ пришелъ николаевскій генералъ-адъютантъ, строгій консерваторъ по своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. На перемѣну взглядовъ Ростовцева произвело вліяніе знакомство съ литературой по крестьянскому вопросу и съ настроеніемъ общества, а также отразилось тутъ и свойственное Ростовцеву честолюбіе, желаніе оставить по себѣ добрую память. Онъ пришелъ въ концѣ концовъ къ твердому убѣжденію въ необходимости реформы на тѣхъ именно основаніяхъ, какія составляли завѣтную

мечту дѣятелей, подобныхъ Милютину. Ростовцевъ написалъ Александру II четыре письма изъ заграницы, гдѣ лѣчился, и эти письма, развивавшія планъ преобразованія, оказали сильное и рѣшительное вліяніе на убѣжденія самого императора. Вернувшись въ Петербургъ, Ростовцевъ окончательно сблизился съ Ланскимъ и Милютинымъ и установилъ новую, вдохновленную Милютинымъ, программу дѣятельности главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Три общихъ начала легли въ основу новой программы: во-первыхъ, необходимость освобожденія крестьянъ безъ выкупа ихъ личности; во-вторыхъ, устройство самостоятельнаго крестьянскаго міра безъ вотчинной юстиціи и полиціи помѣщика; въ-третьихъ, освобожденіе съ землей посредствомъ выкупа послѣдней, причемъ подъ землей должна была разумѣться не только одна усадебная осѣдлость, какъ прежде, т. е. не одинъ дворъ и надворныя строенія съ огородами, но и угодья всякаго рода, т. е. и пашня, и сѣнокосъ, и лѣсъ и т. д.

Изложенная программа была утверждена и принята, когда въ концѣ 1858 года стали поступать проекты, выработанные въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ. Тогда наступилъ четвертый и послѣдній моментъ осуществленія крестьянской реформы. Ростовцевъ, Ланской и Милютинъ настояли на учрежденіи трехъ редакціонныхъ коммиссій—одной для составленія общихъ законоположеній, другой для составленія законоположеній мѣстныхъ, и третьей—финансовой, для детальной разработки вопроса о выкупѣ земли. Редакціонныя коммисіи состояли подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, изъ 36 членовъ, изъ которыхъ 30—въ томъ числѣ Милютинъ, князь Черкасскій, Соловьевъ и Юрій Самаринъ—были убѣжденными сторонниками освобожденія.

Редакціонныя коммиссіи энергично составили предварительный проектъ реформы. Тогда были вызваны въ Петербугъ дворянскіе представители (депутаты) отъ губернскихъ комитетовъ, причемъ Милютинъ и Соловьевъ, черезъ посредство Ланского, настояли на двухъ условіяхъ призыва этихъ представителей: первое заключалось въ томъ, чтобы вызваны были депутаты не только отъ большинства, господствовавшаго въ губернскихъ комитетахъ и несочувственно относившагося къ реформѣ, но и отъ меньшинства, стремившагося къ освобожденію крестьянъ съ землей; второе условіе имѣло въ виду ограничить сопротивленіе проекту со стороны противниковъ реформы: съ этой цѣлью отъ депутатовъ рѣшено было требовать не обсужденія общихъ началъ проекта, составленнаго редакціонными комиссіями, а только отзывовъ о примѣненіи проекта къ мѣстнымъ условіямъ. Большинство такъ называемыхъ депутатовъ перваго призыва отъ губернскихъ комитетовъ—общее число этихъ депутатовъ было 32—было до чрезвычайности раздражено такимъ ограниченіемъ ихъ правъ, подало адресъ государю съ жалобой на Ростовцева и послало самому Ростовцеву письмо, гдѣ требовало права обсуждать проектъ во всей его полнотѣ. Александръ II, подчиняясь вліянію Ростовцева, черезъ котораго дѣйствовало большинство членовъ редакціонныхъ комиссій, отклонилъ требованія депутатовъ. Тогда послѣдніе волей-неволей стали обсуждать частности и остановились на подробностяхъ вопроса, имѣвшаго первостепенную важность: стали обсуждать предложенія о выкупѣ крестьянами надѣловъ, сдѣланныя редакціонными комиссіями по плану Милютина. Эти предложенія встрѣтили со стороны депутатовъ перваго призыва сильное противодѣйствіе;

они многое измѣнили въ вопросѣ о выкупѣ: во первыхъ, была понижена величина выкупаемаго крестьянскаго надѣла; во-вторыхъ, выкупаемая земля была оцѣнена гораздо выше, чѣмъ предлагали редакціонныя коммиссіи. Это были поправки въ пользу дворянъ и вопреки крестьянскимъ интересамъ. И несмотря на то, что депутаты перваго призыва были скоро распущены правительствомъ, недовольнымъ ими, редакціонныя комиссіи все же вынуждены были пойти на уступки требованіямъ, заявленнымъ представителями дворянскаго сословія: понизили размѣръ надѣла и повысили выкупной платежъ. Между тѣмъ въ началѣ 1860 г. умеръ Ростовцевъ, и для реформы наступили, казалось, черные дни: предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій былъ назначенъ врагъ предпринятаго преобразованія графъ Панинъ. Тогда были вызваны въ Петербургъ 40 дворянскихъ депутатовъ второго призыва отъ губернскихъ комитетовъ. Депутаты второго призыва пошли дальше въ дѣлѣ сопротивленія реформѣ, чѣмъ ихъ предшественники: они желали сохранить за помѣщиками всю землю, и самое большее на что они были согласны, заключалось въ предоставленіи освобожденнымъ крестьянамъ земельнаго надѣла лишь на извѣстный опредѣленный срокъ въ пользованіе. Не смотря на то, что этимъ нарушались основныя начала дѣятельности редакціонныхъ коммиссій и главнаго комитета, установленныя при Ростовцевѣ, Панинъ горячо поддерживалъ депутатовъ второго призыва. Это привело Панина къ рѣзкому столкновенію съ членами редакціонныхъ коммиссій, особенно съ Милютинымъ. Казалось, что планы Милютина и его друзей окончательно рушились. Но императоръ Александръ II подъ вліяніемъ великой княгини Елены Павловны хорошо при-

нялъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, окончившихъ свои занятія, и проектъ ихъ, несмотря на заявленія депутатовъ второго призыва, былъ переданъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, ревностный приверженецъ реформы по началамъ, принятымъ редакціонными коммиссіями. Главный комитетъ сохранилъ эти начала, но понизилъ еще болѣе размѣры надѣловъ. Еще болѣе понизилъ ихъ государственный совѣтъ. 19 февраля 1861 г. проектъ Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, сталъ закономъ, а 5 марта былъ опубликованъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

Такъ пало навсегда крѣпостное право въ Россіи.

VIII.

Основныя черты Положенія 19 февраля 1861 года.

Послѣ освобожденія состояніе крестьянъ въ Россіи опредѣляется Положеніемъ 19 февраля 1861 года.

Первая черта этого Положенія, которую слѣдуетъ отмѣтить, состоитъ въ томъ, что, до выкупа земли, крестьяне должны были пользоваться той землей, какую занимали при крѣпостномъ правѣ, но обязаны были давать точно опредѣленное въ Положеніи вознагражденіе помѣщикамъ за такое пользованіе, почему и назывались временно-обязанными. Такъ было создано закономъ временное переходное состояніе отъ крѣпостничества къ свободѣ.

Далѣе: Положеніе 19 февраля 1861 г. останавливается на вопросѣ о цѣнѣ выкупаемой крестьянами

земли, причемъ, однако, отношеніе закона къ двумъ главнымъ частямъ выкупаемаго надѣла было неодинаково, именно: въ Положеніи была точно опредѣлена для каждой мѣстности цѣна усадебной осѣдлости, т. е. дома съ огородами и надворными постройками, но опредѣленіе выкупной цѣны угодій, т. е. пашни, сѣнокоса, лѣса, выгона, предоставлено было свободному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками, что, конечно, давало значительный перевѣсъ помѣщикамъ, потому что они были богаче и, слѣдовательно, сильнѣе крестьянъ.

Третій важный вопросъ, занимавшій вниманіе составителей Положенія 19 февраля,—это вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго надѣла. Положеніемъ были установлены для каждой губерніи особый высшій и особый низшій размѣры выкупаемой земли. Въ результатѣ оказалось, что крестьянамъ перешла далеко не вся земля, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, а только $^4/_5$ ея, причемъ $^1/_5$ отрѣзанная помѣщиками, состояла изъ земель особо выгодныхъ, вдававшихся клиньями въ крестьянскія земли, отрѣзывавшихъ водопой, дорогу, выгонъ и т. д., и тѣмъ обезпечивавшихъ возможность помѣщикамъ сдавать эти земли въ аренду по весьма высокой цѣнѣ, такъ какъ онѣ были необходимы для крестьянскаго хозяйства. Надо еще замѣтить, что въ Положеніе 19 февраля была введена одна оговорка, дурно отразившаяся на поземельномъ устройствѣ части крестьянъ: законъ дозволилъ помѣщикамъ давать крестьянамъ надѣлъ безъ выкупа, такъ называемый дарственный надѣлъ, менѣе четверти высшаго надѣла, т. е. очень небольшой по размѣрамъ, заслужившій справедливо названіе нищенскаго. Этимъ дозволеніемъ, между прочимъ, воспользовались нѣкоторые особенно крупные, богатые землевладѣльцы.

Четвертая основная черта Положенія 19 февраля 1861 года состоитъ въ постановленіяхъ о крестьянскомъ землевладѣніи. Вопросъ о землевладѣніи крестьянъ принадлежалъ въ то время къ числу наиболѣе жгучихъ, вызывалъ прямо противоположныя предложенія: одни считали унаслѣдованное отъ крѣпостного права мірское или общинное землевладѣніе вреднымъ при новыхъ свободныхъ условіяхъ жизни и требовали его законодательнаго уничтоженія и введенія личной земельной собственности; другіе видѣли въ порядкахъ мірского землевладенія зародышъ другихъ, лучшихъ поземельныхъ отношеній и считали его лучшимъ средствомъ противъ образованія безземельнаго пролетаріата. Положенія 19 февраля выбрало средній путь: оно сохранило и мірское, и личное или подворное землевладѣніе тамъ, гдѣ то и другое существовало.

Пятымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о средствахъ надѣленія крестьянъ землей или такъ называемой выкупной операціи. У крестьянъ не было денегъ для выкупа земли и правительство выпустило особыя процентныя бумаги на всю выкупную сумму, которую, такимъ образомъ, выручило и уплатило дворянамъ, а для полученія этой суммы казною съ крестьянъ были установлены съ крестьянскаго населенія такъ называемые выкупные платежи, первоначально разсроченные на 49½ лѣтъ, но потомъ отсроченные еще по разнымъ мѣстностямъ на болѣе продолжительное время, такъ что, если не послѣдуетъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, выкупная операція закончится во всей Россіи въ 1932 г. Деньгами, вырученными отъ выкупной операціи, дворянство воспользовалось для двухъ цѣлей: во-первыхъ, оно завело на эти деньги хозяйство съ вольнонаемнымъ трудомъ; во-вторыхъ, уплатило значительную часть

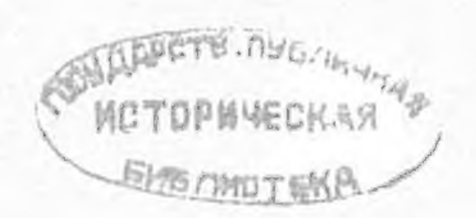
своихъ долговъ: ко времени паденія крѣпостного права во всей Россіи было заложено болѣе 44 тысячъ имѣній на $425^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей.

Наконецъ, Положеніе занято было еще шестымъ вопросомъ—объ устройствѣ сельскихъ обществъ. Освобожденнымъ крестьянамъ дано было сословное самоуправленіе во главѣ съ сельскимъ сходомъ изъ домохозяевъ и выборнымъ отъ нихъ сельскимъ старостой. Сельское общество должно раскладывать и собирать подати, устанавливать налоги для собственныхъ своихъ нуждъ, производить передѣлъ земли тамъ, гдѣ сохранилось мірское землевладѣліе. Нѣсколько сельскихъ обществъ соединяются въ волость съ волостнымъ старшиной и сходомъ во главѣ и съ выборнымъ волостнымъ судомъ.

Таково было въ существенныхъ чертахъ содержаніе Положенія 19 февраля 1861 г. Безъ сомнѣнія, оно внесло много новаго въ крестьянскую жизнь, перестроило ее во многихъ отношеніяхъ. Но оно не вполнѣ уничтожило всѣ остатки крѣпостного права, до сихъ поръ сохраняющіеся въ нѣкоторыхъ сторонахъ крестьянской жизни. Сюда относятся, напр., стѣсненіе права крестьянъ на переселеніе и отлучку необходимостью разрѣшенія властей для переселенія и выдачей увольнительнаго свидѣтельства для отлучки и строгая опека со стороны земскихъ начальниковъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что новыя условія русской общественной жизни окончательно уничтожатъ всѣ остатки крѣпостныхъ отношеній.

Литература: статья Милюкова,—„Крестьяне“, въ 32 мъ полутомѣ энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона; Бѣляевъ,—„Крестьяне на Руси“; Энгельманъ,—„Исторія крѣпостного права въ Россіи“; Клю-

чевскій,—„Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи" (въ „Русской Мысли" за 1885 г.); Дьяконовъ,—„Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ"; Лаппо-Данилевскій,—„Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ"; Рожковъ,—„Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ"; Семевскій,—„Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II"; Семевскій,—„Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в."; Игнатовичъ,—„Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія"; Иванюковъ,—„Паденіе крѣпостного права въ Россіи"; Корниловъ,—„Губернскіе дворянскіе комитеты по крестьянскому дѣлу" (въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1905 г.).

Изданія Н. Парамонова (Донская Рѣчь) въ Ростовѣ н/Д.

45. СЕРАФИМОВИЧЪ—Въ бурю . 3 к.
46. ЯБЛОНОВСКІЙ—Конокрадъ . 3 к.
47. ФРАНКО—На днѣ . 9 к.
48. КУПРИНЪ—Молохъ . 12 к.
49. Н.-ДАНЧЕНКО—Воскрес. пѣснь 5 к.
50. ВЕРЕСАЕВЪ—Повѣтріе . 4 к.
51. БѢЛОКОНСКІЙ—Деревня Печальная . 3 к.
52. ДМИТРІЕВА—Волки . 3 к.
53^{2}. СЕРАФИМОВИЧЪ — Степные люди . 3 к.
54. МИТРОПОЛЬСКІЙ—На плотахъ 3 к.
55. КОРОЛЕНКО—Черкесъ . 4 к.
56. ВЕРЕСАЕВЪ—Звѣзда (восточная сказка) . $1^{1}/_{2}$ к.
57. ТЕЛЕШОВЪ—Противъ обычая 2 к.
58. ЯБЛОНОВСКІЙ—Въ консультаціи . 3 к.
59. Пѣсни труда . 5 к.
60. ТЕМНЫЙ—Сиротинка . 3 к.
61. Только часъ. КРАНДІЕВСКОЙ и др. разсказы . 10 к.
62. БУНИНЪ—Надъ городомъ . 1 к.
63. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ — Отлетаетъ мой соколикъ . 2 к.
64. СТАНЮКОВИЧЪ—Эмигрантъ . 3 к.
65. Избранныя стихотворенія НАДСОНА и др. поэтовъ . 3 к.
66. АНДРЕЕВЪ—Ангелочекъ . 3 к.
67. АНДРЕЕВЪ—Жили-были . 3 к.
68. СКИТАЛЕЦЪ—Атаманъ . 2 к.
69. СЕРАФИМОВИЧЪ—Въ камышахъ . 2 к.
70. РУБАКИНЪ — Дѣдушка-Время 7 к.
71. ЯБЛОНОВСКІЙ — Завѣтная мечта . 3 к.
72. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ—Присяжные засѣдатели . 2 к.
73. ВЕРЕСАЕВЪ—Къ спѣху . 1 к.
74. СЕРАФИМОВИЧЪ—На льдинѣ 3 к.
75. МЕЛЬШИНЪ—Маленькіе люди 4 к.
76. БУЛГАКОВА—Что за страна Японія . 5 к.
77^{2}. ЯКОВЛЕВА—Свидѣтель 8 к.
78. ТЕЛЕШОВЪ—Хлѣбъ-соль $1^{1}/_{2}$ к.
79. РУСОВА — На счастливыхъ островахъ . 6 к.
80. КОРОЛЕНКО—Соколинецъ 7 к.
81. ЧИРИКОВЪ.—Коля и Колька . 2 к.
82. ЕЛЕОНСКІЙ—Огорченіе . 3 к.
83. РУСОВА—Братья Гракхи 3 к.
84. ТЕЛЕШОВЪ—Нужда . $1^{1}/_{2}$ к.
85. Избранныя стихотворенія А. ТОЛСТОГО и др. поэтовъ . 3 к.
86. БОЖЕНКО—На войну . 5 к.
87. ЗОЛЯ—Кровь . 3 к.
88. ТАНЪ—Елка въ Америкѣ . 3 к.
89. УСПЕНСКІЙ—Будка . 3 к.
90. КОРОЛЕНКО — Мгновенье и Огоньки . 3 к.
91. ПѢСНИ МИРА. — Сборникъ стихотвореній . 2 к.
92. Н.-ДАНЧЕНКО — Соловьиная ночь . 1 к.
93. БѢЛОКОНСКІЙ — Страшное мѣсто $1^{1}/_{2}$ к.
94. МИРБО—Бродяга . 1 к.
95. ПОСТУПАЕВЪ—Пѣсня рабочей жизни . 10 к.
96. ТИМКОВСКІЙ—Травля . 5 к.
97. НАЖИВИНЪ — Волосъ Мадонны . 1 к.
98. ФРАНКО—Въ свѣту . 3 к.
99. ЧИРИКОВЪ—Въ отставку . 7 к.
100. ЗАРНИЦЫ. — Сборникъ стихотвореній . 5 к.
101. АНДРЕЕВЪ—На станціи . 1 к.
102. БУНИНЪ—На край свѣта $1^{1}/_{2}$ к.
103. РУБАКИНЪ—Искорки . 5 к.
104. КОРОЛЕНКО—Марусина заимка . 10 к.
105. П. Я. (МЕЛЬШИНЪ)—Избранныя стихотворенія . 6 к.
106. АНДРЕЕВЪ—Въ темную даль 3 к.
107. АНДРЕЕВЪ—Валя . 2 к.
108. ВЕРЕСАЕВЪ—Объ одномъ домѣ 3 к.
109. КОРОЛЕНКО—Послѣдній лучъ 3 к.
110. КОРОЛЕНКО—Морозъ . 4 к.
111. МЕЛЬШИНЪ—Въ плѣну . 3 к.
112. М.-СИБИРЯКЪ—Въ худыхъ душахъ . 4 к.
113. ЧИРИКОВЪ—Бродячій мальчикъ . 5 к.
114. РУБАКИНЪ—Книгоноша 12 к.
115. В. КОРОЛЕНКО—Сказаніе о Флорѣ . 3 к.
116. АНДРЕЕВЪ — Весеннія обѣщанія . 3 к.
117. НАЖИВИНЪ—Ложь. $1^{1}/_{2}$ к.
118. СУЗДАЛЬЦЕВА — Остлеръ, другъ фабр. дѣтей . 3 к.
119. КРЮКОВЪ—Въ родныя мѣста 5 к.
120. КОРОЛЕНКО—Сонъ Макара . 6 к.
121. КОНОПНИЦКАЯ—Янтекъ. $1^{1}/_{2}$ к.
122. ЯБЛОНОВСКІЙ—Пухимъ . 3 к.
133. БУТОШИНЪ—Случай № 212 1 к.
124. РУСОВА—Какъ болгары добыли свободу . 6 к.
125. КОРОЛЕНКО—На затменіи 3 к.

Цѣна 10 коп.

Дозв. ценз. Ростовъ н-Д. Электро-печатня А. Теръ-Абраміана